

ДИКИЙ ВИНОГРАД

Роман

18+

Кирилл Прикота
Дикий Виноград

«Автор»

2026

Прикота К.

Дикий Виноград / К. Прикота — «Автор», 2026

Алина Вешнякова унаследовала разорённое семейное имение и виноградники, которые её отец растил всю жизнь, — а держателем безнадёжного долга оказался Марк Северин, глава холдинга, скупающего землю всего побережья. Их деды когда-то были близкими друзьями, а после — врагами, и старый договор между ними ставит жёсткое условие: имение остаётся за родом Вешняковых только при браке наследников. Фиктивный брак по расчёту должен продлиться год и не значить ничего — но вынужденное соседство, гроза, застигшая обоих в старом винном погребе, и вечера на террасе под южным небом медленно превращают бумажный договор в нечто, чего боятся оба: Алина — потому что мать когда-то бросила отца ради денег, а Марк — потому что однажды его самого предали ради чужого состояния. Когда прошлое обеих семей и чужая жадность до земли грозят всё разрушить, им придётся понять: единственный договор, который стоит того, чтобы его держать, — тот, что заключён не по расчёту, а по любви.

© Прикота К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кирилл Прикота

Дикий Виноград

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Кризис
- Глава 2. Первая стычка
- Глава 3. Договор дедов
- Глава 4. Условие
- Глава 5. Расчёт Инги
- Глава 6. Переговоры
- Глава 7. Согласие
- Глава 8. Свадьба-формальность
- Глава 9. Вынужденное соседство
- Глава 10. Руки, которые помнят землю
- Глава 11. Истории дяди Гриши
- Глава 12. Соня замечает
- Глава 13. Гроза в погреб
- Глава 14. Отступление
- Глава 15. Регина
- Глава 16. Марк защищает
- Глава 17. Ночной разговор на террасе
- Глава 18. Первая ночь
- Глава 19. Новый уровень близости
- Глава 20. Предложение Богдана
- Глава 21. Тайный отказ
- Глава 22. Слухи Регины
- Глава 23. Праздник Урожая
- Глава 24. Соня в беде
- Глава 25. Кризис доверия
- Глава 26. Стена
- Глава 27. Отстранение
- Глава 28. Правда отца
- Глава 29. Подтверждение
- Глава 30. Признание
- Глава 31. Публичный выбор
- Глава 32. Эпилог: Праздник Урожая

Глава 1

Кризис

* * *

Утро в «Вешних Лозах» пахло мокрой землёй, дымом от вчерашнего костра и немного — укусом от прошлогодней бочки, которую так и не отмыли до конца. Алина Вешнякова стояла между рядами на восьмом участке, там, где склон уходил к морю, и щупала гроздь на просвет, будто врач, выслушивающий больного через фонендоскоп. Ягоды были плотные, тёмные, с той

сизой дымкой на коже, которая появляется за неделю до сбора и исчезает, если промедлить хоть на два дня с жарой в тридцать пять.

— Сахар почти дошёл, — сказала она себе вслух, потому что рядом никого не было, а вслух думалось легче. — Дня три, может, четыре. Если не будет дождя.

Дождя, конечно, обещали к пятнице. В это время года небо над Лозовым умело шутить одну и ту же шутку из года в год: обливает посёлок в тот самый час, когда виноград нужно было снимать сухим.

Она распрямилась, потёрла поясницу — спала опять четыре часа, потому что до полуночи сверяла счета, — и пошла вдоль ряда, привычно считая столбы шпалеры. На двенадцатом столбе проволока провисла и цепляла нижние листья, царапая их до трещин. На двадцать первом — сгнила опора, деревянная, ещё дедова: если её не заменить сейчас, к ноябрьским ветрам с моря повалится весь пролёт.

Опоры стоили денег. Новый пресс, о котором она мечтала третий год, стоил куда больше денег. А денег не было — было только это утро, эти листья, этот запах, и упрямое, въевшееся в кости знание, что если бросить хоть на день, всё посыплется быстрее, чем успеешь моргнуть.

— Алин! — донеслось со стороны дома, задыхающийся басок дяди Гриши, который бежать не умел лет уже двадцать, но пытался всякий раз, когда дело было срочное. — Алин, там из банка звонят, требуют тебя лично!

Она сунула секатор в чехол на поясе и пошла напрямик, через межу, не разбирая рядов, чувствуя, как сердце вдруг заколотилось совсем не от быстрой ходьбы.

*

Телефон в кабинете отца — теперь фактически её кабинете, хотя она так и не решилась переставить с полки его старые справочники по энологии — трещал, будто вот-вот сорвётся со шнура. Алина взяла трубку, отдышалась ровно настолько, чтобы голос не дрожал.

— Вешнякова слушает.

— Алина Петровна, здравствуйте, это Марьяна Олеговна, кредитный отдел, — голос был вежливый, отработанный, с той механической теплотой, которая хуже любого холода, потому что притворяется участием. — Мы рассмотрели вашу заявку на реструктуризацию. К сожалению, комитет отказал.

Алина закрыла глаза. За окном, на террасе, ветер шевелил старую виноградную лозу, посаженную ещё прадедом, ту, что оплетала перила и которую никто в семье не решался тронуть даже секатором.

— Марьяна Олеговна, вы же понимаете — уборка через три дня. Мне нужно оборудование, мне нужна рабочая сила, у меня руки связаны из-за этого платежа. Дайте месяц. Один месяц.

— Я понимаю вашу ситуацию, поверьте. Но условия договора чёткие. Основной долг четыре миллиона двести тысяч, плюс начисленные проценты — итого сейчас на счёте четыре миллиона шестьсот тысяч сто двенадцать рублей. Крайний срок платежа — пятнадцатое число. — Пауза, шелест бумаг на том конце. — Это двенадцать дней, Алина Петровна. Если сумма не поступит, банк инициирует процедуру взыскания через залог. А в залоге у вас, если я правильно вижу...

— Земля, — сказала Алина глухо. — Вся земля.

— Все шестнадцать гектаров, дом и хозяйстройки, да.

Она села на край отцовского стола, чувствуя, как под ложечкой становится холодно и пусто, будто кто-то вынул из неё что-то важное и не сказал куда дел.

— Двенадцать дней, — повторила она.

— Мне жаль. Мы понимаем, семейное дело, история... Но у комитета есть свои правила. Если найдёте способ погасить раньше или привлечь стороннего инвестора — договор это не запрещает, — я готова помочь с документами максимально быстро.

Стороннего инвестора. Как будто где-то в очереди за воротами имения стояли добрые люди с чемоданами денег и мечтали вложиться в шестнадцать гектаров долгов, старый дом с текущей крышей и погреб, который последний раз ремонтировали при Хрущёве.

Она поблагодарила — зачем-то, по привычке быть вежливой даже с людьми, которые только что подписали ей приговор, — и положила трубку. Посидела немного, глядя на календарь на стене, где красным было обведено пятнадцатое число — совпадающее, как назло, ровно с серединой сбора урожая.

Дядя Гриша топтался в дверях, комкая в руках старую соломенную шляпу.

— Что она сказала?

— Что у нас двенадцать дней, дядь Гриш. — Алина встала, потому что сидеть было хуже, чем что-либо делать. — Двенадцать дней, чтобы найти четыре с половиной миллиона, или они заберут землю.

Он не ответил сразу — только сел на подоконник, тяжело, как оседает мешок с зерном, и покачал головой.

— Отец твой такого бы не допустил.

— Отец твой не может встать с кресла без посторонней помощи, дядь Гриш, — она тут же пожалела о резкости в голосе, но забирать слова назад не стала. Устала забирать назад слова. Устала вообще много от чего. — Идём, надо ещё двадцать первый столб посмотреть, пока совсем не рухнул.

*

Машина у ворот появилась в третьем часу, когда солнце уже вовсю жарило спину и Алина, вымазанная в земле по локоть, вязала подвои на девятом ряду вместе с двумя сезонными рабочими — Толиком и Серёгой, которых наняла в долг под честное слово, потому что платить сразу было нечем.

Машина была чёрная, длинная, слишком чистая для просёлочной дороги, ведущей к «Вешним Лозам» — как будто её вымыли специально перед тем, как ехать по здешним колеям. Из неё вышел мужчина в костюме, не по-южному строгом, с папкой в руках, и с той особой осторожностью в шаге, с которой городские люди ходят по земле, боясь испортить дорогие туфли.

— Алина Петровна Вешнякова? — спросил он, подойдя ближе, щурясь на солнце.

— Она самая. — Алина воткнула секатор в землю рожками вниз, вытерла руку о джинсы и не подала её для рукопожатия, только кивнула. — Вы по какому вопросу? Если по кредиту — банк мне уже всё сказал сегодня утром.

— Я не из банка. — Он раскрыл папку, достал бумаги, аккуратно сложенные, с логотипом наверху — виноградная лоза, стилизованная под латинскую S. — Меня зовут Артур Ильич Данько, я юрист компании «Северин Групп». Мы выкупили ваш долг у банка сегодня утром.

Земля под ногами будто качнулась — не сильно, но ощутимо, как палуба на первой волне.

— Что значит выкупили?

— То и значит. Инвестиционная компания приобретает проблемную задолженность у банков — это обычная практика. Теперь кредитором являетесь... то есть кредитором являемся мы. — Он протянул ей папку. — Условия остаются прежними: пятнадцатое число, сумма к погашению — четыре миллиона шестьсот тысяч сто двенадцать рублей. Либо, — тут он сделал паузу, явно отрепетированную, — мы готовы предложить альтернативу. Компания выкупает у вас землю по рыночной оценке, покрывает долг, а разницу выплачивает вам живыми деньгами. Вы остаётесь без имения, но без долгов и с некоторым капиталом на новую жизнь.

— Нет, — сказала Алина, даже не дав себе времени подумать, потому что думать тут было не о чем. — Это не обсуждается. Это земля моей семьи в четырёх поколениях.

— Я понимаю, что это эмоционально тяжёлый вопрос, — сказал Данько тоном, каким говорят с ребёнком, который не понимает арифметики. — Но у вас двенадцать дней и почти пять миллионов долга. Подумайте на досуге, вот моя карточка.

Она взяла карточку машинально, глазами уже скользя по бумагам в папке — по шапке договора, по названию, повторённому на каждой странице жирным шрифтом: «Северин Групп».

Северин.

Фамилия ударила её где-то под рёбрами, тупо, с задержкой, как удар, который сперва не чувствуешь, а потом он расцветает болью.

— Северин, — повторила она вслух, поднимая взгляд на юриста. — «Северин Групп» — это... это имеет отношение к Аркадию Северину? К «Северной Лозе»?

Данько на секунду замялся, будто вопрос выходил за рамки его инструкций.

— Компания основана... наследниками рода Севериных, да. Аркадий Дмитриевич — дед основного владельца. Но вам лучше уточнить эти детали у самого руководства, я всего лишь представляю юридический отдел.

— У самого руководства, — эхом повторила Алина. Толик и Серёга за её спиной перестали делать вид, что вяжут подвои, и откровенно слушали. — А кто руководство?

— Это вам скажут в головном офисе, Алина Петровна. Я оставлю документы, ознакомьтесь, пожалуйста, внимательно. У вас двенадцать дней.

Он ушёл — аккуратно, той же осторожной походкой, обходя лужу возле поливной канавы, — сел в свою слишком чистую машину и уехал, оставив за собой облако пыли и чувство, будто у Алины из-под ног выдернули не только землю, но и всякое понимание, что вообще происходит.

*

Северин. Она не слышала этой фамилии много лет — с того самого детства, когда отец однажды, коротко и зло, велел никогда не упоминать её при нём. «Северная Лоза» стояла в трёх километрах от «Вешних Лоз», за холмом, — огромное поместье, давно проданное, перестроенное, потом снова проданное; она даже забыла толком, кто там жил теперь. Помнила только чёрно-белую фотографию в старом альбоме — два молодых мужчины, оба в белых рубашках, стоят обнявшись у давилного пресса, оба смеются так, будто им принадлежит весь мир. На обороте отцовским почерком: «Пётр и Аркадий, 1974, первый совместный урожай».

Она понесла папку в дом, к отцу, на ходу вытирая руки о полотенце и чувствуя, как внутри всё сжимается тугим узлом.

*

Пётр Вешняков сидел на веранде в своём кресле, у окна, откуда видны были верхние ряды виноградника — он всегда просил ставить кресло именно так, чтобы видеть лозу, даже когда сам уже не мог до неё дотронуться. Левая половина лица после инсульта слушалась плохо, рука лежала на подлокотнике неподвижно, но глаза — те же, что и всегда, острые, тёмные, вешняковские — смотрели ясно и внимательно.

— Пап, — она села рядом на низкую скамеечку, положила папку на колени, не раскрывая. — У нас проблема. Банк продал наш долг.

Он приподнял бровь — движение, которое у него теперь получалось с трудом, но которое всё ещё безошибочно читалось как вопрос.

— Компании «Северин Групп», — сказала она, наблюдая за его лицом так пристально, что почти забыла дышать. — Пап, это же... это связано с дедом Аркадием? С «Северной Лозой»?

То, что произошло дальше, она запомнит надолго: как менялось лицо отца — не мимикой, потому что мимики почти не было, а чем-то более глубоким, каким-то внутренним содро-

ганием, которое отразилось в глазах прежде, чем он успел его спрятать. Здоровая рука на подлокотнике сжалась в кулак. Дыхание, и без того тяжёлое после болезни, стало резче.

— Что... они хотят, — выговорил он, слова давались ему с усилием, чуть смазанные, но злость в них была отчётливая, будто её и не касалась болезнь. — Что в бумагах.

— Хотят долг забрать, — она не сводила с него глаз. — Или предлагают выкупить землю. Пап, что происходит? Почему у тебя такое лицо, будто ты увидел призрака?

Он покачал головой — медленно, тяжело, — и отвернулся к окну, к своим лозам, будто хотел спрятаться за них.

— Не сейчас, Алина.

— Пап, у нас двенадцать дней! Я должна понимать, с кем имею дело! Ты же сам говорил — никогда не упоминать эту фамилию, ты ненавидел деда Аркадия столько, сколько я себя помню, а теперь его компания владеет нашей землёй, и я хочу знать почему!

— Не сейчас, — повторил он, и в этот раз в голосе прорвалось что-то, чего она никогда у отца не слышала — не гнев даже, а страх, старый, загнанный глубоко страх человека, который слишком долго носил тайну и знает, что время расплаты подошло. — Есть вещи... о которых я должен рассказать сам. Когда буду готов. Обещай мне... не подписывай ничего. Ничего не подписывай, пока я не поговорю с тобой.

— Пап...

— Обещай, Алина. — Он посмотрел на неё, и в этом взгляде была такая мольба, что она сдалась, кивнула, хотя внутри всё кипело от вопросов без ответов.

— Хорошо. Обещаю.

Он снова отвернулся к окну, и разговор на этом оборвался — она видела, что дальше давить бесполезно, что отец ушёл в себя так же плотно, как виноградная улитка прячется в раковину при первой опасности.

*

Вечером, когда Толик с Серёгой уехали, а дядя Гриша заваривал на кухне свой неизменный чай с чабрецом, Алина села за отцовский стол и раскрыла папку до конца, страница за страницей, читая договор с той внимательностью, с какой читают приговор.

Всё было аккуратно, юридически безупречно, без единой лазейки. Кредитор — «Северин Групп», общество с ограниченной ответственностью. Основной владелец и генеральный директор...

Она нашла строчку в самом низу учредительных документов, приложенных для сведения, и на секунду перестала дышать.

Марк Аркадьевич Северин.

Не какой-то безликий совет директоров. Не наследники во множественном числе, о которых туманно говорил юрист. Один конкретный человек — тридцати с чем-то лет, судя по указанному году рождения, — держал в руках всю судьбу «Вешних Лоз», всю её жизнь, весь труд её деда и отца, всё, ради чего она недосыпала последние три года.

Она набрала номер, указанный в договоре для связи по вопросам урегулирования, и после недолгого ожидания женский голос — секретарский, отточенный до звона — сообщил ей, что «Алина Петровна может записаться на личную встречу с господином Севериным в головном офисе в Лозовом, приёмная работает до восемнадцати часов, крайне рекомендуется не откладывать, учитывая сроки по договору».

— Хорошо, — сказала Алина, чувствуя, как голос у неё самой звучит чужим, натянутым. — Я приеду.

Она положила трубку и долго сидела в темнеющем кабинете, глядя на фотографию на стене — отец молодой, смеющийся, рядом с тем самым Аркадием Севериным, — и думала о том, что где-то в этом же посёлке, за холмом, среди своих гектаров, сейчас, наверное, сидит

человек по имени Марк Северин и даже не подозревает, что за фамилия стучится к нему на порог вместе с её долгом.

Или подозревает. И это пугало ещё больше.

За окном стемнело окончательно, и с моря потянуло вечерней прохладой, той особой солью и полынью, которую она с детства знала как запах дома. Двенадцать дней. Один разговор, которого не избежать. И имя, которое теперь ей придётся выучить наизусть — Северин, — потому что от него, хочет она того или нет, зависела теперь вся её жизнь.

Глава 2

Первая стычка

* * *

Офис «Северин Групп» стоял на набережной Лозового так, будто спустился откуда-то с другой планеты и забыл, что вокруг — рыбацкий посёлок, пропахший ракушечником и молодым вином. Стекло и сталь, три этажа приглушённого света, автоматические двери, которые разъехались перед Алиной беззвучно, словно извиняясь за то, что вообще посмели её впустить.

Она остановилась на пороге на секунду дольше, чем следовало.

Внутри пахло кофе и чем-то холодным — кондиционированным воздухом, отполированным камнем, деньгами. Стойка ресепшена была из белого мрамора с серыми прожилками, за ней сидела девушка с идеальным пучком и таким же идеальным безразличием в лице. Алина вдруг остро, до тошноты, ощутила, как выглядит сама: джинсы, всё ещё сохранившие рыжую пыль виноградника на коленях, старые кроссовки, футболка, которую она не успела сменить, потому что утро началось с обрыва капельного полива на третьем ряду и закончилось звонком из банка, а между этими двумя катастрофами не нашлось и десяти минут на переодевание. Волосы она стянула в хвост в машине, глядя в зеркало заднего вида на скорости девяносто.

«Он мог подождать до завтра, — подумала она, поднимаясь на лифте, разглядывая своё отражение в зеркальных стенах кабины и жалея, что вообще на себя посмотрела. — Мог. Но не стал».

Приёмная на третьем этаже была ещё тише, ещё холоднее. Секретарь — мужчина лет сорока, безупречный, как всё здесь, — поднял на неё взгляд, будто оценивал: соответствует ли она заявленной записи на приём, или это какая-то ошибка курьерской службы.

— Алина Вешнякова, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — К Северину. Меня ждут.

— Одну минуту.

Минута растянулась на семь. Алина стояла — садиться в эти белые кожаные кресла ей не хотелось, будто она могла оставить на них след, — и смотрела в окно на море, серебристое от полуденного солнца, и думала о том, что где-то там, за этим морем, отец сейчас сидит в своём кресле на террасе, и его левая рука, та, что после инсульта слушается хуже, лежит на подлокотнике, и он ничего не знает о том, куда она поехала. Она сказала ему — по делам, в город. Не сказала, что едет требовать пощады у человека, чья фамилия эхом отозвалась в доме вчера вечером и заставила отца замолчать на середине фразы.

— Госпожа Вешнякова. — Секретарь возник рядом бесшумно. — Марк Дмитриевич примет вас.

Дверь кабинета была без таблички. В этом, подумала Алина, тоже был расчёт — тому, кто сюда идёт, не нужно напоминать, к кому он идёт.

Она толкнула дверь сама, не дожидаясь, пока откроют за неё.

Кабинет оказался больше, чем она ожидала, и суше — ни одной лишней вещи, ни одной фотографии на столе, только ноутбук, закрытая папка и стакан воды, до которого, судя по всему, ещё не дотрагивались. Панорамные окна во всю стену выходили на бухту, и на секунду свет ослепил её, так что человек за столом сначала показался ей просто силуэтом — тёмным, ровным, неподвижным.

Потом он поднялся, и силуэт обрёл черты.

Марк Северин оказался выше, чем она представляла себе по голосу вчерашнего управляющего, того самого, что приезжал в «Вешние Лозы» с папкой документов и холодно, вежливо, будто зачитывал прогноз погоды, сообщил об истечении отсрочки. Тёмный костюм сидел на нём так, что было ясно: это не костюм для встречи, это его вторая кожа, он в нём живёт. Ни галстука, ни намёка на небрежность — верхняя пуговица рубашки расстёгнута, и это было единственное, что выдавало в нём хоть каплю человеческого несовершенства. Тёмные волосы, коротко и дорого подстриженные, тяжёлая, чуть резкая линия скул, которую она узнала — узнала мгновенно и против воли, — потому что видела её однажды в старом альбоме отца, на выпцветшей чёрно-белой фотографии сорокалетней давности, где двое молодых мужчин смеялись, обнявшись за плечи, на фоне виноградных шпалер. Один из них был её дед. Второй — Аркадий Северин.

У Марка были его глаза. Не отца, судя по всему, — деда. Светло-серые, почти прозрачные, с тем же прищуром, что на старой фотографии, только там прищур был от смеха, а здесь — от многолетней привычки не показывать ничего лишнего.

— Алина Петровна, — сказал он, и голос был ровным, низким, без единой зацепки, за которую можно было бы ухватиться. — Присаживайтесь.

— Я постою.

— Как угодно.

Он не сел обратно за стол — остался стоять, опершись бедром о край, руки скрестил на груди, и в этом жесте было столько отработанного превосходства, что у Алины зачесались кулаки.

— Вы отправили ко мне человека с ультиматумом, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не так, как она себя чувствовала — вымотанной, взмокшей, не выспавшейся уже третью ночь подряд. — Тридцать дней. Тридцать дней на то, чтобы найти сумму, которую банк отказался реструктурировать даже на полгода. Это не деловое предложение, Марк Дмитриевич. Это казнь с отсрочкой исполнения.

Что-то дрогнуло у него в лице — едва заметно, на долю секунды, и тут же исчезло, будто она это выдумала.

— Это стандартные условия по просроченному обязательству, — сказал он. — «Северин Групп» выкупила долг «Вешних Лоз» у банка три месяца назад на общих основаниях. Условия договора не изменились ни на одну строчку с момента подписания вашим отцом. Если вас удивляют сроки — вопросы к юристам, которые их составляли. Не ко мне.

— Не к вам. — Она невесело усмехнулась. — А чья подпись стоит под письмом, которое вчера привезли в мой дом?

— Моя. Потому что я руковожу компанией, которая владеет долгом. — Он произнёс это без малейшей заминки, будто десять раз репетировал именно этот ответ на именно этот вопрос. — Это не казнь, Алина Петровна. Это бизнес. Вы взяли обязательство — вернее, его взял ваш отец, — и это обязательство не выполнено уже два квартала подряд. Я мог бы задать встречный вопрос: почему вы удивлены, что кредитор требует выполнения условий?

— Потому что за две недели до вашего письма представитель банка лично говорил моему отцу, что реструктуризация — вопрос решённый! А потом кредит внезапно продают вам, и через месяц — тридцать дней и точка. Вы скупили долг не для того, чтобы получить деньги, Северин. Вы скупили его, чтобы получить землю.

Она увидела, как у него дёрнулась челюсть — единственный признак того, что удар достиг цели.

— «Северин Групп» скупает проблемные активы виноделен всего южного побережья, не только ваш, — ответил он ровно. — Это наша модель бизнеса, и она не является тайной. Если вам не нравится, что рынок работает именно так, у меня для вас плохие новости: рынку всё равно, кому что нравится.

— Модель бизнеса. — Она шагнула ближе, к его столу, к этому идеально пустому пространству без единой личной вещи. — У модели бизнеса есть имя, и, кажется, оно совпадает с человеком, который стоит за ней.

— Осторожнее с обвинениями, Алина Петровна. У меня хорошие юристы.

— Не сомневаюсь.

Повисла пауза — короткая, натянутая, как струна. Она смотрела на него, и он смотрел на неё, и ей вдруг стало неловко от того, насколько внимательно он это делает — не оценивающе, не как выставленный на витрину товар, а будто пытается что-то прочесть в её лице и не может разобрать буквы.

— Мне нужна отсрочка, — сказала она уже тише, отбросив попытки атаковать: атака не работала. — Три месяца. Урожай в октябре, у меня контракт с новым покупателем в Ростове на партию, которая закроет треть долга сразу. Три месяца — и вы получите живые деньги, а не пустую землю, которую потом ещё год оформлять и продавать.

— Ваш контракт с ростовским покупателем, — сказал он, и в его голосе появилась новая, почти скупающая нотка, от которой у неё внутри всё сжалось от бешенства, — на сумму, которая закрывает даже не треть долга, а одиннадцать процентов от него. Я читал вашу финансовую отчётность, Алина Петровна. Читал внимательно. Три месяца ничего не изменят — разве что дадут вам время влезть в ещё один кредит под залог того, что и так уже заложено.

— Вы читали мою отчётность.

— Это часть *due diligence*. Обычная практика перед структурированием сделки.

— Значит, для вас это уже структурированная сделка. — Она подняла подбородок. — Не переговоры. Не диалог с людьми, у которых сгорает дом. Сделка, где всё уже решено, а мой визит сюда — просто формальность, чтобы вы могли потом сказать инвесторам, что дали должнику шанс высказаться.

Он молчал долго — достаточно долго, чтобы она подумала, что попала точно в цель. Потом медленно отошёл от стола, подошёл к окну, встал спиной к бухте, и свет очертил его силуэт снова, только теперь она видела его лицо отчётливо, и на этом лице было что-то, чего она не ожидала увидеть, — не торжество, не холодное удовлетворение победителя. Что-то похожее на усталость. На то же самое, что она чувствовала сама последние три месяца, только тщательно спрятанное за костюмом и стеклянными стенами.

— Вешние Лозы, — сказал он вдруг, и в том, как он произнёс название её имения, послышалось что-то другое, не деловое. — Я был там ребёнком. Один раз, кажется. Дед возил меня на побережье, и мы заезжали в какое-то поместье с виноградниками у моря — я не помню деталей, мне было лет семь, помню только, что там были огромные бочки в погребе и старик с усами, который дал мне попробовать виноград прямо с лозы, хотя он был кислый и ещё не созрел.

У Алины перехватило дыхание.

— Это мог быть мой дед, — сказала она тихо. — Он всегда так делал с детьми, которые приезжали в поместье. Говорил — надо познать вкус земли раньше, чем вкус вина.

— Возможно. — Марк отвернулся к окну снова, будто пожалел, что вообще это сказал. — Я плохо помню. Дед не любил рассказывать о тех временах.

— Мой отец тоже не рассказывает. — Она сделала ещё шаг, сама не заметив, к какому пространству приблизилась — почти вплотную к его столу, почти на расстояние вытянутой руки от него. — Я знаю только, что Аркадий Северин и Пётр Вешняков когда-то были друзьями. И что потом перестали ими быть. Отец при этом имени замолкает так, будто я произнесла что-то запретное.

Что-то мелькнуло в светло-серых глазах Марка — быстро, тщательно спрятанное обратно.

— Мой дед умер два года назад, — сказал он. — Что бы ни случилось между ними — это умерло вместе с ним. Я не собираюсь копаться в старых счетах. Я собираюсь вернуть компании то, что ей причитается по договору.

— То есть вам всё равно, что стоит за этим долгом. Дом, где я родилась. Виноградники, которые мой дед сажал своими руками. Отец, который после инсульта держится за эту землю, потому что это последнее, что у него осталось.

— Мне не всё равно, — сказал он резко, впервые за весь разговор повысив голос, и тут же, будто испугавшись собственной несдержанности, взял себя в руки, вернул голосу ровность. — Мне не всё равно в том смысле, что я понимаю: это тяжело. Но сочувствие — не финансовый инструмент, Алина Петровна. Я не могу списать долг, потому что мне жаль вашего отца. У меня перед советом директоров и инвесторами обязательства, которые ничуть не менее реальны, чем ваши перед банком.

— Значит, отказ.

— Значит, тридцать дней. Как и было написано в письме.

Она стояла и смотрела на него, и в эту секунду поймала себя на том, что смотрит слишком долго — на то, как резко очерчена линия его челюсти, на то, как двигаются его руки, когда он говорит, скупое, точно, без единого лишнего жеста, на его голос, который даже в отказе звучал так, что хотелось слушать дальше просто ради тембра. Она разозлилась на себя — резко, до жара в щеках, — за то, что вообще заметила что-то из этого, стоя перед человеком, который методично, страница за страницей, разбирал её жизнь на активы и пассивы.

— Вы правда его внук, — сказала она вместо того, что собиралась сказать. — Не по крови даже. По манере. Он тоже умел говорить холодные вещи так, будто делает одолжение, что вообще снисходит до разговора.

Она увидела, как это попало — не в бровь, а в самое сердце, короткая вспышка боли, тут же убранный за фасад.

— Вы меня совсем не знаете, — сказал он тихо.

— И знать не хочу. — Она отступила на шаг, вдруг задохнувшись от того, насколько близко подошла — не только физически. — Спасибо за уделённое время, Марк Дмитриевич. Жаль, что вы предпочли остаться цифрой в отчёте, а не человеком, с которым можно договориться.

Она развернулась и пошла к двери, чувствуя спиной его взгляд — тяжёлый, немигающий, — и заставила себя не оборачиваться, хотя всё внутри неё требовало обернуться, посмотреть ещё раз, убедиться, что то напряжение, которое она почувствовала между ними, ей не привиделось. Уже у самой двери его голос догнал её:

— Алина Петровна.

Она остановилась, не поворачиваясь.

— Я не мстительный человек, — сказал он. — Что бы ни было между нашими дедами — это не имеет отношения к тому, что происходит сейчас между нашими компаниями. Просто помните это, когда будете рассказывать отцу, какое чудовище к вам приезжало.

— Вы правы, — сказала она, наконец обернувшись, и её голос дрожал от ярости, которую она уже не пыталась скрыть. — Это не месть. Это гораздо хуже. Это просто вам всё равно.

Она вышла, и дверь за ней закрылась с мягким, дорогим шелчком, будто даже механизм замка был слишком воспитан, чтобы хлопнуть.

Марк остался стоять у окна ещё долго после того, как звук её шагов стих в коридоре. Бухта внизу блестела ленивым полуденным светом, у причала покачивались белые яхты, и всё это выглядело так, как должно было выглядеть — упорядоченно, спокойно, под контролем. Только руки у него, он заметил, всё ещё были сжаты в кулаки.

Вешние Лозы. Кислый виноград с лозы, старик с усами, смех деда, отражённый в бокале вина на закате — воспоминание вернулось так внезапно и так ярко, что на секунду ему показалось, будто он снова чувствует запах степи после дождя.

Он сел за стол, открыл нижний ящик — тот, что всегда держал запертым, хотя в кабинете, кроме него, никто не имел доступа к этому этажу, — и достал конверт из плотной пожелтевшей бумаги. Внутри лежала одна-единственная фотография, потрёпанная по углам, с надписью на обороте выцветшими чернилами. Он не смотрел на надпись — знал её наизусть. Смотрел на лица: два молодых человека, смеющиеся, обнявшиеся за плечи на фоне виноградных шпалер, и между ними — не видная в кадре, но обозначенная в углу снимка датой — целая жизнь, которую ни один из них так и не рассказал внукам до конца.

Он долго держал фотографию в руках, прежде чем убрать её обратно в ящик и запереть на ключ.

Это никогда не было просто бизнесом. Он знал это с того самого утра, когда юристы положили ему на стол папку с именем «Вешние Лозы» — и не сказал об этом ни одной живой душе.

Глава 3

Договор дедов

* * *

Дорога от посёлка до «Вешних Лоз» петляла между виноградниками — обычно этот путь Алина проезжала не глядя, зная каждый поворот наизусть, но сегодня она вцепилась в руль так, будто дорога могла в любой момент вырваться у неё из рук и утащить куда-то не туда. В голове до сих пор звучал ровный, ничего не прощающий голос Марка Северина: «У вас есть тридцать дней». Тридцать дней — и ни одного слова больше, ни одной трещины в его выдержке, будто он говорил не с живым человеком, а зачитывал протокол.

Она хлопнула дверцей машины сильнее, чем следовало, и по каменным ступеням взбежала на террасу, где в плетёном кресле, укрытый пледом даже в тёплый сентябрьский вечер, сидел отец. Пётр Вешняков смотрел на виноградники внизу — на ровные шпалеры, убегающие к морю, — и в этом взгляде было что-то, чего Алина не могла определить словами, только чувствовала кожей: не то тоска, не то ожидание.

— Ты вернулась быстро, — сказал он, не поворачивая головы. Левая сторона его лица после инсульта слушалась хуже правой, речь была чуть замедленной, но ум — Алина знала это точно — оставался таким же острым, как и десять лет назад, когда он ещё сам обходил ряды с секатором в руках.

— Быстрее, чем хотела. — Она опустилась на соседний стул, не заботясь о том, что джинсы испачкались о влажное сиденье. — Папа, я была в конторе у поверенного банка. Там был представитель кредитора. Тот самый, из «Северин Групп».

Она замолчала, ожидая какой-то реакции — обычно при упоминании этой компании отец сжимал губы, менял тему, произносил что-то уклончивое про «дела, которые тебя не касаются». Но в этот раз он просто ждал, и это ожидание было таким плотным, что Алина ощутила его почти физически, будто воздух на террасе сгустился.

— Его зовут Марк Северин, — сказала она наконец, и в её голосе прорвалось всё то раздражение, что копилось весь день. — Северин, папа. Не просто однофамилец какого-то Аркадия, о котором ты иногда обмолвливался, а — я узнавала — его внук. Так вот кто нас душит. Внук человека, чьё имя ты произносишь так, будто оно горчит во рту.

Пётр долго молчал. Настолько долго, что Алина уже собралась повторить вопрос — но тут он вздохнул, и этот вздох был не усталым, а каким-то освобождающим, словно он наконец опустил на землю то, что долго нёс на плечах.

— Пора, — сказал он тихо. — Давно пора было тебе рассказать. Я всё откладывал — думал, обойдётся, банк даст отсрочку, урожай выправит дело. Не вышло. — Он посмотрел на

неё, и в его глазах, чуть подёрнутых после болезни поволокой, было что-то новое: решимость, которой Алина у него давно не видела. — Сядь поближе. Это длинный разговор, и лучше рассказать его один раз и полностью, чем частями, как я делал все эти годы.

Она придвинула стул. Где-то в доме хлопнула дверь — Соня, наверное, вернулась из университета, — но Алина не обратила внимания.

— Аркадий Северин, — начал отец, и, произнося это имя, он словно возвращался в прошлое, — был мне ближе, чем родной брат. Мы познакомились в восемьдесят девятом, оба молодые, оба одержимые одной и той же глупой мечтой — сделать из этого захолустного побережья винодельческий край, чтобы о Лозовом говорили не как о рыбацкой деревне, а как о земле, где рождается настоящее вино. У него были деньги — не бог весть какие, но были, доставшиеся от отца, торговавшего лесом. У меня — земля, эти самые склоны, которые нам с тобой достались от прадеда, и упрямство. Мы были на удивление хорошей парой партнёров. — Пётр невесело усмехнулся. — Люди даже путали нас — приходили в контору спросить Вешнякова, а находили Северина, и наоборот. Мы вместе сажали первые ряды каберне вон там, за холмом, где сейчас у Северина стоит его новый погреб. Мы вместе не спали ночами, когда заморозки грозили побить цвет. Мы были — не побоюсь этого слова — счастливы, каждый по-своему.

— Что случилось? — тихо спросила Алина. Гнев, с которым она вошла на террасу, никуда не делся, но теперь в нём появилась трещина любопытства, и сквозь эту трещину просачивалось что-то похожее на боль — не свою, отцовскую.

— Деньги. И женщина. Как обычно и бывает. — Пётр устало провёл рукой по пледу, разглаживая несуществующую складку. — В девяносто пятом мы взяли большой кредит на расширение — новые прессы, новые подвалы, оборудование из Италии. Аркадий вёл переговоры с банком, я — с землёй, с людьми. И в какой-то момент выяснилось, что часть денег, которые должны были пойти в общее дело, он вложил в отдельную компанию — свою, только свою, оформленную на его имя, без меня. Он объяснял потом, что хотел подстраховаться, что боялся, будто дело прогорит и мы оба останемся ни с чем, а так хоть что-то уцелеет. Может, и правда боялся. Но я тогда слышал только одно: он предал меня, поставил своё имя выше нашего партнёрства. — Голос отца дрогнул, и Алина впервые за долгие годы увидела, как крепко он сжал здоровой рукой подлокотник кресла. — А потом ещё эта история с Верой...

— С мамой? — Алина выпрямилась.

— Не с твоей матерью, нет, она появилась в моей жизни позже. С Верой Кульневой, дочерью старого агронома, в которую мы оба были по-мальчишески влюблены с юности — и я, и Аркадий. Она выбрала меня. И Аркадий, который до того держал эту обиду при себе, после истории с деньгами будто сорвался с цепи — стал говорить всем, что я украл у него не только партнёрство, но и женщину, что я всегда был расчётлив, только маскировал это под честность. Мы разругались вдребезги. Разделили землю, разделили дело — вернее, попытались, потому что настоящего юриста тогда в Лозовом было не найти, и делёж вышел кривой, злой, с судами, которые тянулись годами. К двухтысячному мы уже не здоровались при встрече. Он строил свою «Северную Лозу» с холодной методичностью, скупал соседние клочки земли один за другим, а я цеплялся за то, что осталось от прадедовского надела, и клялся себе, что скорее сгною виноград на корню, чем продам ему хоть сотку.

Алина слушала, и что-то внутри неё медленно переворачивалось — она столько лет считала холодность отца к любым разговорам о соседнем поместье просто чертой характера, а оказалось, что за ней стоит целая жизнь, целая история дружбы, которая сгорела дотла.

— Но если вы разругались вдребезги, — сказала она, — при чём тут договор? Ты ведь упоминал какой-то старый договор — я слышала краем уха, ты говорил с адвокатом по телефону в прошлом году, произносил слово «условие»...

Пётр кивнул, будто ждал именно этого вопроса.

— В девяносто восьмом, когда мы окончательно оформляли раздел активов и долгов — потому что часть кредита оставалась общей, повисшей между нами обоими, — мы в последний раз сели за один стол. Не для того, чтобы помириться. Просто нужно было подписать бумаги. И вот тогда Аркадий, уже безжалостный делец, каким он стал к тому времени, вдруг сделал странную вещь. Он вписал в договор пункт, который его юристы отговаривали вписывать, — я потом узнал от нашего общего нотариуса, старика Симакова, царствие ему небесное, что Аркадий настоял, невзирая на все возражения.

— Какой пункт?

— Что если долг «Вешних Лоз» перед структурой Северина — а по сути, перед его наследниками, потому что сам он умер задолго до того, как всё это всплыло бы, — не будет погашен в срок, земля переходит кредитору. Это обычное дело, так составляют все подобные бумаги. Но следом, отдельным пунктом, — Пётр посмотрел дочери прямо в глаза, — Аркадий вписал: если наследники обеих семей заключат законный брак, право требования аннулируется, а земли остаются в совместном владении рода — не переходят кредитору целиком, ни при каких условиях.

На террасе стало очень тихо. Где-то в саду застрекотал сверчок, будто отсчитывая секунды, за которые Алина силилась осознать услышанное.

— Что за бред, — выговорила она наконец. — Зачем ему это? Он же тебя ненавидел, ты сам только что сказал.

— Ненавидел, — согласился Пётр. — Но, видно, не переставал любить то, что мы вместе построили. Симаков рассказывал, что Аркадий, диктуя этот пункт, сказал одну фразу — я запомнил её слово в слово, потому что Симаков повторил её мне через много лет, будто передавая привет с того света: «Наши внуки ещё не родились. Пусть у них будет шанс, которым не воспользовались мы». Понимаешь? Он не был сентиментальным человеком, Аркадий, но, видно, где-то глубоко ему было жаль того, что мы потеряли. Он не мог заставить себя простить меня при жизни — но оставил лазейку для тех, кто придёт после нас. Причуда старика, который знал, что умирает раньше срока, и хотел, чтобы хоть что-то доброе осталось после всей этой войны.

— И ты молчал об этом? Все эти годы?

— Я надеялся, что до этого никогда не дойдёт, — сказал отец тихо. — Что я расплачусь с долгом сам, что ты выйдешь замуж за какого-нибудь местного парня и никогда в жизни не узнаешь имени Северина иначе, как по вывеске на соседском заборе. Не вышло. Инсульт, засухи два года подряд, банк... — Он развёл рукой, той, что ещё слушалась. — Прости меня, Алиночка. Я должен был сказать раньше. Но каждый раз, когда я собирался, представлял себе твоё лицо — вот такое, какое у тебя сейчас, — и откладывал.

Алина вскочила со стула так резко, что он скрипнул.

— Ты хочешь сказать, что вся моя жизнь сейчас зависит от строчки, которую полоумный от злости старик вписал в бумагу двадцать восемь лет назад? Что если я не выйду замуж за человека, которого видела один раз и который смотрел на меня как на строчку в балансе — мы теряем всё? А если выйду — то что, всё чудесным образом разрешится, потому что так захотел покойник?

— Алина...

— Нет, папа. — Она отошла к перилам террасы, вцепилась в них, глядя на тёмные ряды виноградника, которые сейчас, в сумерках, казались ей чужими, будто земля тоже готова была её предать. — Я не собираюсь становиться разменной монетой в чужой войне полувековой давности. Я не кукла, которую можно передать из одних рук в другие, потому что так когда-то распорядился дед моего врага. У меня своя жизнь. Свой виноградник, который я подниму сама, если придётся — по колоску, по лозе, но сама.

— Я не прошу тебя ничего решать сегодня, — мягко сказал Пётр. — Я прошу только, чтобы ты знала правду. Дальше — тебе решать.

— Решать нечего, — отрезала Алина, хотя голос её предательски дрогнул на последнем слове. — Это не решение. Это шантаж из прошлого века.

Она не заметила, как за приоткрытой дверью на террасу, в тени плюща, обвивающего колонну, замерла Соня — вернувшаяся домой минут пятнадцать назад, услышавшая последние фразы разговора и не решившаяся ни войти, ни уйти. Только когда Алина, вытирая злые слёзы тыльной стороной ладони, развернулась, чтобы уйти в дом, она увидела младшую сестру.

— Ты подслушивала, — не спросила, а констатировала Алина.

— Немного, — не стала отпираться Соня, выходя на свет. На ней всё ещё была университетская толстовка, волосы стянуты в неряшливый хвост, но глаза горели тем самым азартным блеском, который у неё появлялся всякий раз, когда жизнь подкидывала что-то интереснее лекций по экономике. — Вернее, почти всё. Пап, ты рассказывал так драматично, что я боялась пропустить хоть слово.

— Соня, — предупреждающе начала Алина.

— Что? Я всего лишь хочу сказать, — Соня подняла руки, будто сдаваясь, но улыбка у неё была совсем не покаянная, — что вообще-то это самая безумная и самая романтическая штука, которую я слышала за всю свою жизнь. Дед оставляет внукам шанс на любовь через договор про виноградники — да это же сюжет для сериала, который я бы смотрела запоем!

— Соня, это не сериал. Это наш дом.

— Именно поэтому я и говорю серьёзно, а не только ради драмы, — сестра подошла ближе, и в её голосе, обычно легкомысленном, вдруг зазвучали нотки, которые заставили Алину вспомнить, что Соне уже не двенадцать лет, что она давно не тот ребёнок, которого нужно оберегать от всего на свете. — Лин, я не говорю тебе бежать под венец с человеком, которого ты видела один раз и который тебе, судя по твоему лицу, крайне не понравился. Я говорю — просто подумай. Не с ходу отменяй. У нас тридцать дней и куча вариантов, которые все хуже этого. Мы можем потерять дом, потерять погреб, где папа хранит вино с годом моего рождения на этикетке, — и это не метафора, это буквально случится через месяц, если ничего не изменится. А тут есть хоть какой-то выход, пусть и дурацкий на первый взгляд.

— Ты серьёзно предлагаешь мне выйти замуж за Северина ради виноградника?

— Я предлагаю тебе не захлопывать дверь, пока ты даже не заглянула, что за ней. — Соня пожала плечами с деланой беспечностью, но взгляд у неё оставался внимательным. — К тому же, — добавила она, не удержавшись от смешка, — по слухам в посёлке он не только богатый и злой, но ещё и красивый, как чёрт. Так что жертва, возможно, не такая уж и страшная.

— Соня!

— Ладно, ладно, молчу. — Сестра примирительно вскинула ладони и, чмокнув отца в макушку, скрылась в доме, бросив через плечо: — Просто подумай, Лин. Вот и всё, о чём прошу.

Пётр не сказал больше ничего — он смотрел на старшую дочь с той смесью вины и надежды, которая была красноречивее любых слов, — и Алина, не выдержав этого взгляда, тоже ушла в дом, оставив отца одного на террасе, под пледом, лицом к морю, которое он когда-то делил пополам с человеком, ставшим ему злейшим врагом.

* * *

Ночью, когда весь дом затих и даже Соня перестала возиться за стеной с музыкой в наушниках, Алина не могла уснуть. Она сидела на полу своей комнаты, среди коробок с бумагами, которые отец в последние недели просил её разобрать — старые счета, письма поставщикам, пожелтевшие акты о поставке лозы, — и искала то, чего сама толком не могла сформулировать. Доказательство. Или, может, опровержение.

Она нашла фотографию на самом дне одной из папок, между двумя счетами за бочки из-под шираза тысяча девятьсот девяносто третьего года. Чёрно-белый, слегка выцветший снимок: двое молодых мужчин стоят у деревянного пресса, оба смеются так, будто их только что кто-то рассмешил до слёз, у одного в руках — гроздь винограда, поднятая, как трофей. На обороте выцветшими чернилами было написано: «П. и А., первый урожай, 1991».

Алина долго смотрела на отца — узнать его было легко, та же линия подбородка, тот же прищур, который у неё самой появлялся, когда она смотрела на солнце. А потом перевела взгляд на второго мужчину.

Аркадий Северин был высоким, широкоплечим, с тёмными, чуть выющимися волосами и той же прямой, почти надменной посадкой головы, которую Алина видела сегодня на пороге конторы у его внука. Тот же разлёт бровей. Та же складка у губ, будто человек всегда готов и улыбнуться, и осадить одним словом — в зависимости от того, что покажется уместнее. Даже то, как он держал руку — небрежно, но властно, опираясь на край пресса, — было до странного, до озноба по коже похоже на то, как сегодня Марк Северин держал руку на спинке кресла, диктуя ей условия банка, будто это была не угроза, а рутинная формальность.

Она поднесла фотографию ближе к настольной лампе, словно хотела прогнать наваждение, разглядеть подмену, убедить себя, что это просто игра света и её собственного взвинченного за день воображения. Но чем дольше она смотрела, тем яснее видела: не игра. Кровь. Настоящая, упрямая, не разбавленная тридцатью годами вражды кровь — вот что смотрело на неё с этой старой фотографии глазами, один в один похожими на те, что сегодня разглядывали её через стол переговоров с таким ледяным спокойствием.

Алина отложила снимок на тумбочку, погасила лампу и легла, глядя в темноту потолка. «Наши внуки ещё не родились, — вспомнила она слова покойного старика, пересказанные отцом. — Пусть у них будет шанс, которым не воспользовались мы».

Она долго лежала без сна, слушая, как где-то за окном шумит ночной ветер в виноградных рядах, и упрямо, отчаянно повторяла себе, что это всего лишь совпадение черт лица, ничего больше. Но фотография на тумбочке, казалось, светила в темноте, и заснуть этой ночью Алине так и не удалось.

Глава 4

Условие

* * *

Кабинет на верхнем этаже «Северин Групп» был спроектирован так, чтобы ничего не отвлекало: серый камень, стекло, ни одной случайной вещи на столе. Марк Северин любил эту комнату именно за пустоту — здесь не было места ничему, что нельзя было бы объяснить цифрами. Поэтому фотография, которую он битый час крутил в пальцах, раздражала его больше, чем любой сорванный контракт.

Снимок был старый, с желтизной по краям, с тем неровным гляncем, какой бывает у карточек, отпечатанных где-то в девяностые в захолустной мастерской. Двое мужчин на фоне виноградных рядов — молодые, загорелые, оба шуряют на солнце. Один, коренастый, с упрямым подбородком, обнимает другого за плечо с той небрежной уверенностью, с какой обнимают только настоящих друзей. На обороте выцветшими чернилами: «Аркаша и Петя, «Вешние Лозы», сентябрь». Дед Марка и отец Алины Вешняковой. Друзья — когда-то.

Он нашёл карточку три дня назад, разбирая архив после стычки с Вешняковой в конторе нотариуса — если то можно было назвать разбором архива, а не предлогом не думать о её лице, когда она поняла, кто стоит за долгом её семьи. Фотография вывалилась из папки с документами по «Вешним Лозам», которую Марк держал в дальнем углу сейфа больше десяти лет, ни разу не открывая. С тех пор он то убирал снимок в стол, то доставал снова — как заусенец, который тянет прикусить, зная, что будет больно.

Он убрал фотографию в верхний ящик, когда дверь без стука приоткрылась — только его мать имела привычку входить так, будто кабинет всё ещё принадлежал ей.

— Ты просил Круглова поднять договор девяностых, — сказала Инга Северина вместо приветствия, опускаясь в кресло напротив с той прямой спиной, которую сохраняла даже в семьдесят на пенсии не по возрасту. — Он будет через десять минут. Я решила, что тоже приду послушать.

— Я не приглашал тебя, мама.

— Ты никогда не приглашаешь. Я прихожу сама. — Она сложила руки на коленях, оглядела сына тем взглядом, каким оценивала имущество перед покупкой. — Ты плохо спал. Это из-за виноделки?

— Это из-за квартального отчёта.

— Марк. — Она произнесла его имя так, как произносила его последние тридцать три года: с интонацией человека, который не тратит время на игры, если можно сразу назвать вещи своими именами. — Я видела, как ты смотрел на неё на приёме у Ковалёвых. Не строй из себя лёд, я сама тебя такому учила.

Он не ответил. В дверь постучали, и вошёл юрист — Круглов, невысокий, лысеющий человек лет пятидесяти с папкой под мышкой и той особой аккуратностью движений, какая появляется у людей, всю жизнь работающих с чужими деньгами и чужими тайнами. Он поздоровался, положил папку на стол, раскрыл на заложённой странице.

— Оригинал нашёлся не сразу, Марк Аркадьевич. Документ хранился не в общем архиве по долговым обязательствам, а отдельно, в личном сейфе вашего деда. По всей видимости, Аркадий Игоревич считал его частным делом, а не корпоративным.

— Читайте, — сказал Марк, не отрывая взгляда от окна, за которым по проспекту полз вечерний город.

Круглов откашлялся и начал зачитывать — сухим голосом, каким читают документы, не вникая в их содержание, потому что вникать не входит в обязанности:

— «...в случае неисполнения обязательств по возврату суммы, указанной в приложении номер один, имущественный комплекс «Вешние Лозы», включая земельные участки, виноградники и постройки, переходит в собственность компании-кредитора... За исключением случая, при котором между наследниками рода Вешняковых и рода Северина будет заключён законный брак — при этом условии земли остаются в совместном владении обеих сторон бессрочно, вне зависимости от исполнения долгового обязательства...»

Он читал дальше, но Марк уже не слушал слова — он слушал звон в ушах, будто где-то рядом лопнула струна. За окном город продолжал жить своей вечерней жизнью, машины ползли по проспекту одна за другой, а он сидел и понимал, что человек, которого он считал безупречным дельцом, его собственный дед, тридцать с лишним лет назад вписал в юридический документ пункт, достойный не холдинга, а какой-нибудь сентиментальной пьесы позапрошлого века.

— Это шутка, — сказал он наконец.

— Документ подписан и заверен нотариально, — осторожно ответил Круглов. — Юридически безупречен, я проверил трижды. Если бы имение перешло к вам через процедуру взыскания, а Вешнякова оспорила бы это в суде на основании данного пункта, суд был бы обязан встать на её сторону. Пункт действует до сих пор — срок давности на такие условия в договоре не распространяется, потому что это не обязательство, а право.

— Право на что? — Марк наконец повернулся к нему. — Право выйти замуж за меня, чтобы спасти виноградник? Кто в здравом уме составляет такие условия?

— Человек, который любил своего друга больше, чем боялся показаться сентиментальным, — сказала Инга негромко. В её голосе не было тепла — только констатация факта, как если бы она комментировала неудачную инвестицию покойного мужа. — Твой дед был таким.

Он умел быть безжалостным в делах и глупым в личном — в этом смысле вы с ним совсем не похожи.

Марк проигнорировал шпильку.

— Круглов, есть способ оспорить пункт? Признать недействительным, найти лазейку?

Юрист замялся, полистал бумаги, будто надеясь, что за время его молчания там появится другой ответ.

— Формально — можно попытаться, ссылаясь на то, что условие противоречит современным нормам о свободе брака как основании для гражданско-правовых сделок. Но практика по таким делам почти отсутствует, а судья, скорее всего, встанет на сторону более слабой стороны — то есть семьи Вешняковых. Вы рискуете потратить два года на процесс и всё равно проиграть, растеряв при этом репутацию — компания, которая через суд отбирает виноградник у парализованного старика и его дочери, плохо смотрится в прессе.

— То есть у меня нет выхода.

— У вас есть выход, — мягко поправил Круглов. — Просто он вам не нравится.

Марк встал, подошёл к окну, упёрся ладонью в холодное стекло. Внизу, тринадцатую этажами ниже, город горел вечерними огнями, спешил куда-то, не подозревая, что где-то наверху человек только что узнал, что его жизнь — точнее, её единственная незыблемая часть, тщательно выстроенная холодность, в которой не было места ничьим претензиям, — только что оказалась под вопросом из-за клочка бумаги, подписанного тридцать лет назад двумя друзьями, один из которых умер, так и не признавшись внуку, что был способен на подобную глупость.

Брак. Само слово царапало где-то внутри, в том месте, которое он давно считал зарубцевавшимся.

Шесть лет назад он уже стоял перед алтарём — не в церкви, а в голове, потому что до церкви дело не дошло. Регина Ласточкина, с которой они были вместе четыре года, с которой он планировал дом, детей, отпуска на десять лет вперёд, ушла за три недели до объявленной помолвки — просто исчезла из его жизни в одно утро с короткой запиской и вернулась спустя месяц уже под руку с сыном владельца сети торговых центров, вдвое старше её и вчетверо богаче семьи Севериных на тот момент. Она не скрывала расчёта — сказала ему в лицо на единственном разговоре, который он позволил себе после: «Ты умный, Марк, ты поймёшь. Я выбрала то, что надёжнее». Он тогда не ответил ничего — просто вышел и с того дня выстроил вокруг себя стену такой высоты, что ни одна женщина за шесть лет не подобралась к ней ближе разговора за ужином, после которого он никогда не звонил снова.

Мысль о браке — пусть даже фиктивном, пусть даже на бумаге — вызывала у него почти физическое отторжение, будто кто-то предлагал снова открыть рану, которую он так долго и тщательно зашивал сам, без анестезии.

— Это исключено, — сказал он, не оборачиваясь. — Пусть земля переходит к нам через суд, через два года, через что угодно. Я не буду жениться на человеке, которого видел два раза в жизни, ради виноградника, который мне даже не особо нужен.

— Не нужен? — В голосе Инги впервые прорезалось что-то похожее на азарт. — «Вешние Лозы» — сто двадцать гектаров лучшей земли на побережье, с виноградниками старше тебя. Ты годами скупал куски похуже за суммы, от которых у совета директоров дёргался глаз, а тут земля почти сама идёт к тебе в руки, и ты говоришь — не нужна?

— Мне не нужна жена в комплекте.

— Никто не говорит о настоящем браке, — сказала она, чуть подавшись вперёд, и в этом движении Марк наконец увидел то, ради чего мать пришла без приглашения — не сочувствие, не тревогу за сына, а холодный расчёт, который она даже не пыталась хорошо спрятать. — Формальный контракт. Год, два — сколько нужно, чтобы закрепить права на землю окончательно, провести переоформление, разобраться с виноградниками через наших агрономов.

После — тихий развод, никто не пострадает. Девчонка получит защиту от разорения, ты получишь актив, которым давно должен был владеть, а я получу...

Она замолчала на середине фразы, будто спохватившись, и Марк уловил это — крохотную заминку, за которой стояло не оговорка, а расчёт, который она не договорила вслух. Он слишком хорошо знал свою мать, чтобы поверить, что фраза оборвалась случайно.

— Что получишь ты, мама?

— Спокойствие за компанию, разумеется. — Она поднялась, разгладила юбку тем же движением, каким разглаживала любую неловкость в разговоре. — Не смотри на меня так, будто я предлагаю тебе что-то постыдное. Брак по расчёту — старейшая форма делового партнёрства в истории человечества, и твой дед, при всей своей внезапной сентиментальности, кое-что в этом понимал: он знал, что земля и кровь связаны сильнее, чем любые векселя. Подумай об этом не как о сдаче в плен, а как о ходе на доске.

— Я уже сказал — нет.

— Ты сказал это тоном человека, который ещё не понял, что вопрос не «жениться или нет», а «на чьих условиях». — Инга остановилась у двери, обернулась. — Круглов подготовит для тебя оценку рисков по обоим сценариям — суд и брак. Посмотри цифры, прежде чем произносить слово «нет» второй раз. Ты деловой человек, Марк. Будь им хотя бы сегодня.

Она вышла, не дожидаясь ответа, — так, как выходила всегда, оставляя за собой ощущение, что разговор ещё не закончен, просто временно поставлен на паузу до момента, удобного ей. Круглов, явно чувствуя себя лишним в этой части семейной драмы, торопливо собрал бумаги.

— Я оставлю копию договора у вас на столе, Марк Аркадьевич. И... — он замялся у двери, — если позволите личное замечание: ваш дед не был человеком, который совершал глупости просто так. За тридцать лет практики я видел десятки договоров, где люди прятали жадность за красивыми словами. Этот — другой. Здесь жадности нет вообще. Странно, но факт.

Он вышел, оставив Марка одного в кабинете, где снова стало тихо — той плотной, будто густой тишиной, какая бывает только в комнатах на верхних этажах, куда не долетает уличный шум.

Марк сел за стол, придвинул к себе оригинал договора, пролистал страницы — плотную, слегка пожелтевшую бумагу с печатями нотариальной конторы, давно закрытой, с подписью деда, твёрдой, уверенной, ничем не выдающей, что человек, поставивший её, только что вписал в холодный юридический текст пункт о любви, которую не смог сохранить сам — потому что где-то там, между строк о взысканиях и обязательствах, читалась не расчётливость делового человека, а тоска старика по другу, с которым его развела не ссора, а сама жизнь, деньги, интересы бизнеса — то самое, чему Марк отдал всю свою жизнь без остатка.

Он отложил договор, потёр переносицу. За окном совсем стемнело, город внизу зажёгся уже полностью — и где-то там, в двух часах езды по прибрежному шоссе, в старом доме с террасой и виноградным погребом стояла женщина, которая сегодня, вероятно, тоже узнала об этом условии — от отца, парализованного, но не сломленного, хранившего секрет договора столько лет, сколько Марк хранил в сейфе фотографию.

Он подумал об Алине Вешняковой — не как о держателе долга, не как о препятствии в сделке, а как о человеке: прямая спина, упрямый подбородок, тот самый, что он только что видел на старой фотографии у её отца, взгляд, в котором не было ни капли того расчёта, который он привык видеть в глазах женщин своего круга. Она смотрела на него на приёме у Ковалёвых так, будто видела насквозь — и это раздражало его больше, чем любая попытка манипуляции.

Он выдвинул верхний ящик стола, достал фотографию — снова, в третий раз за вечер, хотя прекрасно понимал, что смотреть на неё бессмысленно, что она ничего не решает, ничего не меняет в договоре, в цифрах, в двух годах судебного процесса, которые ему теперь, веро-

ятно, предстояли. Дед Аркадий, тридцатилетний, обнимает за плечо молодого Петра Вешнякова, оба щурятся на солнце где-то среди виноградных рядов, которые полвека спустя окажутся предметом холодного расчёта их внуков.

Он не мог объяснить себе, почему до сих пор не выбросил эту карточку — ни десять лет назад, когда впервые нашёл её в архиве покойного деда, ни сейчас, когда она стала неудобным, почти обвиняющим напоминанием о том, что где-то в основании всей этой холодной, выстроенной по кирпичику жизни лежит нечто, чего он никогда не позволял себе почувствовать: не про землю, не про деньги, не про виноградники старше него самого — про дружбу, которая когда-то была настоящей, и про то, что осталось от неё спустя тридцать лет — не вражда, нет, вражда была слишком простым словом для того, что читалось в этом договоре. Скорее — сожаление, зашифрованное юридическим языком, единственным языком, на котором его дед, судя по всему, умел говорить о том, что действительно имело значение.

Марк долго сидел так, держа фотографию в руках, не зажигая света, слушая, как где-то за стеной кабинета уборщица катит тележку по коридору, как гудит далеко внизу город, который никогда не спит и которому нет никакого дела до того, что человек на тринадцатом этаже стеклянной башни только что понял: единственный способ спасти свою тщательно выстроенную, безопасную, ледяную жизнь — это, возможно, её разрушить.

Он ещё не был готов признать это вслух. Даже себе.

Глава 5

Расчёт Инги

* * *

Кабинет юридической конторы «Рымарь и партнёры» располагался на седьмом этаже стеклянной башни в двух часах от Лозового, и Инга Северина любила именно этот вид — не море, а город, где решения принимаются не сердцем, а карандашом по бумаге. Она сидела в кресле у окна, положив ногу на ногу, и слушала, как Аркадий Рымарь — однофамилец покойного свёкра, что она всегда находила забавным совпадением, — раскладывает перед ней три папки, будто карты в пасьянсе.

— Итак, — сказала она, не притрагиваясь к бумагам. — Если брак состоится, что именно мы можем контролировать?

Рымарь поправил очки. Это был человек, привыкший к вопросам, которые не задают вслух в приличном обществе, и потому давно перестал удивляться Инге Севериной.

— Формально — ничего, Инга Аркадьевна. Договор ваших свёкров чётко говорит: земля переходит в совместное владение супругов. Пятьдесят на пятьдесят, без изъятий.

— Формально, — повторила она с интонацией, в которой слышалось презрение к самому слову. — А неформально?

Он позволил себе тонкую улыбку — ту, за которую холдинг платил ему втрое больше, чем любому другому юристу в крае.

— Неформально брачный договор — это отдельный документ. Совместное владение землёй не означает совместного управления решениями. Если ваш сын и невеста подпишут соглашение о раздельном управлении активами до брака — с распределением голосов, с правом вето по крупным сделкам, с механизмом выкупа доли при разводе — тогда земля физически останется у Вешняковой, а власть над ней перейдёт туда, где стоит подпись со стороны Северина.

— А если моя невестка не подпишет ничего подобного?

— Тогда, — Рымарь пожал плечами, — брака не будет, и через девяносто дней банк заберёт имущество за долги, а «Северин Групп» выкупит его на торгах за треть цены. Условие деда становится необязательным, если контракт не заключён. Простите за прямоту, но у молодой госпожи Вешняковой нет реального выбора. Либо она подписывает брак с приложениями, которые мы составим, либо теряет всё без всякого брака.

Инга наконец взяла верхнюю папку и открыла её на середине — там, где мелким шрифтом были расписаны механизмы «преимущественного права голоса учредителя со стороны Северин Групп в вопросах капитальных вложений, продажи и залога недвижимого имущества». Она читала медленно, с удовольствием человека, для которого юридический язык был почти поэзией — единственной поэзией, которую она признавала.

— Мне нужен ещё один пункт, — сказала она, не поднимая глаз. — Право вето у меня. Не у Марка.

Рымарь помолчал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не показать удивления.

— Формально голос будет принадлежать Марку Аркадьевичу как супругу.

— Формально, — снова повторила Инга и наконец подняла на него взгляд, светлый, холодный, с той прямоотой, которая заставляла подчинённых опускать глаза первыми. — Марк — совладелец холдинга. Я — председатель совета директоров и владею контрольным пакетом голосующих акций. Впишите условие, что любое решение, касающееся активов, полученных в результате данного брака, требует одобрения совета директоров «Северин Групп» большинством в две трети. Формально решение будет принимать не Марк единолично. А значит — фактически — я.

Рымарь сделал пометку в блокноте. Он не спросил, знает ли об этом Марк. Это не входило в его обязанности.

— И ещё, — добавила она, вставая и одёргивая жакет, — узнайте всё, что можно узнать о семье невесты. Не только про долги — это я знаю наизусть. Про людей. Про мать, про отца, про сестру. Мне нужно знать, где у этой девочки трещина. Всякий дом стоит, пока не найдёшь трещину в фундаменте.

*

Досье легло на стол Инги три дня спустя — тонкая папка, десять листов, но она прочла её дважды, с карандашом, подчёркивая отдельные строки так, как когда-то в институте подчёркивала формулы, которые собиралась использовать на экзамене.

Пётр Вешняков — инсульт, частичный паралич правой стороны, речь сохранена, интеллект сохранён, юридически дееспособен, но фактически отстранён от управления имением последние два года. Долг перед банком — одиннадцать миллионов, из которых уже семь выкуплены «Северин Групп» через дочернюю структуру. Соня Вешнякова, девятнадцать лет, студентка агрономического факультета в областном центре, платное отделение, оплата за прошлый семестр просрочена на сорок дней.

А потом — короткий абзац, который Инга перечитала трижды.

«Мать — Вешнякова (в разводе — Костромина) Людмила Викторовна, 52 года. Оставила семью в 2008 году. Проживает в Москве, замужем вторым браком за совладельцем сети автосалонов Костроминым В. П. С дочерьми связи не поддерживает, по неподтверждённым данным — не отвечает на звонки старшей дочери с 2019 года».

Инга откинулась на спинку кресла и позволила себе редкое чувство — не радость, конечно, для радости повод был мелкий, — но нечто вроде удовлетворения дегустатора, нашедшего наконец нужную ноту в букете.

Она знала этот тип женщин, потому что сама годами боролась, чтобы не стать одной из них. Дочь, брошенная матерью ради денег, — это не просто личная драма. Это оголённый нерв, за который можно потянуть в любой момент, когда потребуется. Девочка наверняка выстроила вокруг себя стену против всего, что пахнет богатством и удобством — против мужчин с деньгами, против компромиссов, против самой мысли, что можно предать землю ради комфорта. Такую стену трудно пробить любовью. Но её очень легко пробить страхом — страхом стать похожей на мать. Достаточно один раз, в нужный момент, шепнуть: «А ты уверена, что не делаешь то же самое? Продаёшь себя за спасение имения — чем это лучше, чем продать себя за квартиру в Москве?»

Инга закрыла папку. У неё было время. Спешить в такие моменты означало проиграть — она усвоила это ещё тогда, тридцать пять лет назад, когда сама вышла замуж за Северина не по любви, а по расчёту, и научилась ждать, пока расчёт превратится в привычку, а привычка — в подобие власти.

*

Марк в этот вечер сидел один в кабинете «Северной Лозы» — старого дедовского дома, который он не продал вместе с прочей недвижимостью только потому, что там оставался винный погреб, куда он не заходил три года.

Перед ним на столе лежали не бумаги холдинга, а карта — старая, ещё дедовская, разграфлённая на участки: «Вешние Лозы» с их южным склоном, идеальным для позднего сбора, и «Северная Лоза» с виноградниками, которые давно заросли или были вырублены под застройку. Он сам не заметил, в какой момент вместо квартальных отчётов начал разглядывать эту карту — просто рука однажды потянулась не к папке с балансом, а к нижнему ящику стола, где карта лежала свёрнутой ещё с похорон Аркадия.

Он вспомнил, как дед водил его по этим склонам мальчишкой и объяснял, почему южная лоза Вешняковых даёт виноград слаще, а северная — кислее и потому лучше для игристых. Аркадий тогда говорил об этом с той же интонацией, с какой другие деды рассказывают внукам о войне или о первой любви, — то есть как о самом важном, что у него было. И самым горьким было то, что в конце жизни дед всё равно превратил дружбу с Петром Вешняковым во вражду, а любовь к земле — в договор, написанный языком, из которого выветрилось всё живое.

Марк вдруг поймал себя на мысли, которая испугала его больше, чем любая цифра в квартальном отчёте: если брак состоится, я снова буду ходить по этим склонам. Не как инвестор, оценивающий актив, а как человек, у которого есть право спросить у виноградаря, скоро ли сбор.

Он тут же одёрнул себя. Это было не решение — это была слабость, минутная, простибельная, но опасная, потому что решения в его жизни принимались не сердцем. Полгода назад он потерял бы час на подсчёт: юридическая проблема с землёй решается браком автоматически, без затяжных судов с Богданом и прочими рейдерами, которые уже начали кружить вокруг долгов виноделен округа. Позиции холдинга в регионе укрепляются — «Вешние Лозы» имеют лучшую репутацию среди местных виноделов, а репутация конвертируется в контракты быстрее, чем деньги. С точки зрения баланса брак с Алиной Вешняковой был не жертвой, а приобретением. Циничным, холодным, но приобретением.

Он захлопнул папку с картой и сказал себе, что думает об этом только потому, что это разумно с деловой точки зрения. Он повторил эту фразу дважды, как будто количество повторений могло сделать её более правдивой.

*

Инга выбрала для разговора субботний вечер — время, когда Марк обычно расслаблялся настолько, чтобы слушать, но ещё не настолько, чтобы спорить. Она сама разлила коньяк, себе — символическую каплю, ему — на два пальца, и села напротив в гостиной «Северной Лозы», которую тоже не любила, потому что здесь всё ещё пахло его отцом и — что хуже — его дедом.

— Я была у Рымаря, — сказала она без предисловий, зная, что Марк ценит именно это в разговорах с ней — отсутствие обходных путей, которые он использовал с другими, но не с матерью.

— По поводу?

— По поводу твоей женитьбы.

Марк не поднял глаз от стакана.

— Я уже сказал тебе и деду в письме, которое он не успел прочитать: я не собираюсь жениться на условиях покойника.

— Разумеется, не собираешься, — легко согласилась Инга, и это согласие удивило его больше, чем спор удивил бы. — Ты бизнесмен, Марк, а не сентиментальный дурак, который выполняет последнюю волю деда из чувства вины. Забудь про волю деда. Подумай о сделке.

— Какой сделке?

— Той, где ты за один росчерк пера получаешь контроль над всем южным побережьем виноградников без единого судебного разбирательства, сэкономишь минимум два года и восемь миллионов на тяжбах с Богданом, который уже подбирается к землям вдоль трассы, и укрепляешь холдинг в регионе так, как не укрепил бы никакой другой актив в этом году. — Она произнесла это ровно, деловым тоном, каким читала бы отчёт совету директоров. — Единственная переменная в этом уравнении — твоя гордость, потому что тебе кажется унижительным жениться на условиях, которые придумал твой дед из ностальгии по старой дружбе. Но гордость — плохая статья баланса, сын. Она ничего не приносит.

Марк слушал, и по мере того как мать произносила эти слова, он ловил себя на странном ощущении: будто она озвучивает вслух то, что он сам уже несколько дней прокручивал в голове наедине с картой в нижнем ящике стола, — но в её устах это звучало иначе, суше, и от этой сухости внутри у него что-то сопротивлялось.

— Ты говоришь так, будто речь о покупке склада, — сказал он.

— А чем это отличается от покупки склада? — Инга чуть повела бровью. — Это просто ещё одна сделка, Марк. Самая выгодная из всех, что тебе предлагали за последний год. Ты подписываешь бумагу, живёшь на два дома год-другой, а потом, если захочешь, разводишься — земля к тому моменту уже прочно у тебя в контуре холдинга. Никто не просит тебя её любить. — Она сделала паузу и добавила, будто невзначай: — Хотя, зная тебя, ты и без всякой сделки туда едешь смотреть на виноградники. Я слышала от управляющего с трассы, что твою машину видели у забора «Вешних Лоз» дважды за последний месяц.

Марк промолчал. Это было правдой, и мать знала, что это правда, и произнесла это не случайно — она хотела, чтобы он услышал сам себя со стороны.

— Составь мне договор, где я ничего не теряю, — сказал он наконец, тщательно выбирая слова, потому что не хотел, чтобы мать увидела то, что скрывалось за деловым тоном. — Раздельное управление, чёткие границы. Никакого вмешательства в мои решения по холдингу.

— Разумеется, — сказала Инга, и в её голосе не было и тени того, что уже лежало готовым в папке Рымаря — пункт о двух третях голосов совета директоров, пункт, который делал управление формально принадлежащим Марку, а фактически — ей. Она допила свою символическую каплю коньяка и поднялась, довольная тем, как легко зерно легло в почву. — Я пришлю тебе проект на неделе. Ты только скажи слово девочке — остальное я беру на себя.

Она ушла, оставив его одного в комнате, где пахло дедом, и не заметила — или заметила, но не придавала значения, — что, произнося слово «сделка» снова и снова, она невольно дала сыну разрешение думать об Алине Вешняковой не как об угрозе и не как о чужой упрямой девчонке с виноградника, а как о варианте, который стоит рассмотреть всерьёз. Она хотела, чтобы он увидел в этом холодный расчёт. Она не подумала, что за холодным расчётом у Марка уже давно пряталось что-то другое — то, в чём он сам себе не признавался с тех пор, как Регина оставила его шесть лет назад, а он сам, будто в наказание, похоронил в себе всё, что связывало его с дедом и с землёй.

*

Он не спал в ту ночь. Ходил по кабинету, доставал карту, снова убирал её, звонил в холдинг узнать по Богдану — тот действительно начал скупать участки вдоль трассы, включая два соседних с «Вешними Лозами», и это была не абстрактная угроза, а конкретный срок: недели, может, месяц, прежде чем рейдер выйдет напрямую на Петра Вешнякова с предложением, от которого умирающему имению трудно будет отказаться.

Марк понимал: юридически брак с Алиной решал сразу три проблемы. Он останавливал Богдана — никто не рискнёт судиться за землю, которая уже юридически принадлежит наследникам по договору, скреплённому браком. Он избавлял холдинг от многолетней судебной тяжбы за спорные земли, тяжбы, которую предсказывал сам Рымарь. И — это было почти постыдно признавать даже себе — он давал Марку право снова ходить по южному склону не вором, не кредитором, а хозяином, у которого есть корни.

Мать хотела, чтобы он увидел в этом сделку. Он увидел в этом сделку и что-то ещё — и не смог отделить одно от другого, сколько ни пытался.

К пяти утра он принял решение — не такое, какое подсунула ему мать в готовом виде, с приложениями и пунктами о совете директоров, а собственное: он поедет в «Вешние Лозы» сам, без юристов, без матери, без представителей холдинга, как когда-то приезжал впервые с ультиматумом, только на этот раз — с предложением. На своих условиях. Условиях, которые он продумает сам, а не подпишет не глядя то, что принесёт Рымарь.

Он не знал ещё, что говорит себе только половину правды. Он думал, что едет заключить сделку. На самом деле впервые за шесть лет он ехал к чему-то, чего хотел — просто ещё не готов был назвать это желание своим именем.

К семи утра он уже сидел в машине, и дорога вдоль побережья, ведущая к «Вешним Лозам», разворачивалась перед ним в утреннем тумане — знакомая с детства, и от этого особенно странная сейчас, когда он ехал по ней не деловым визитом, а с чем-то, похожим на решимость, которую он сам себе не мог до конца объяснить.

Глава 6

Переговоры

* * *

Марк приехал без звонка, без предупреждения, без единого шанса подготовиться — и Алина решила, что это тоже было расчётом. Она стояла на четвереньках между шпалерами третьего ряда, обрезала сухие пасынки секатором, в старых отцовских штанах, закатанных на щиколотках, в косынке, из-под которой выбились мокрые от пота пряди, и в резиновых сапогах, заляпанных землёй по самое голенище. Когда его машина — низкая, чёрная, до отвращения чистая — свернула с шоссе на грунтовку и поползла между рядами, поднимая пыль, Алина сначала подумала, что это Богдан, потом узнала силуэт за рулём и застыла с секатором в руке, как будто её застукали за чем-то постыдным.

Это было глупо. Это была её земля. Она имела полное право стоять на ней в грязных сапогах.

Марк вышел из машины в костюме — не в том парадном, что был на нём в кабинете банка, но всё равно безупречном: тёмно-серые брюки, светлая рубашка без единой складки, рукава закатаны ровно на два оборота, как будто линейкой отмерил. Он оглядел виноградник — не с презрением, отметила она с неожиданным раздражением, а с каким-то жадным, почти профессиональным интересом, скользнул взглядом по шпалерам, по гроздьям, наливающимся под августовским солнцем, и только потом нашёл её глазами.

— Вы всегда встречаете гостей с оружием? — спросил он, кивнув на секатор.

— Вы не гость. — Алина поднялась, отряхнула колени, хотя это ничего не изменило: земля въелась в ткань намертво. — Гости предупреждают о визите.

— Я решил, что телефонный звонок вы бы восприняли как повод отказать сразу. А так у вас будет секунд десять форы, прежде чем вы сможете это сделать.

— Отказать в чём?

Он не ответил сразу. Прошёл вдоль ряда, провёл пальцами по листу — не срывая, просто тронул, как трогают что-то знакомое, — и Алина вдруг заметила то, чего не заметила при первой встрече в банковском кабинете: его руки не были руками человека, который всю жизнь подписывал бумаги. Ногти коротко острижены, но на костяшке правой руки — старый белый

шрам, тонкий, как от лозы, полоснувшей когда-то давно. У неё был точно такой же, с другой стороны.

— У вас хороший год, — сказал он вместо ответа. — Сахар почти набрался. Через две недели можно начинать думать о сборе, если погода не подведёт.

— Вы теперь ещё и агроном?

— Дед научил. — Слово выскочило раньше, чем он успел его придержать, и Алина увидела, как что-то в его лице на долю секунды смягчилось — и тут же захлопнулось, как ставня. Он отдернул руку от листа. — Неважно. Я приехал по делу.

— Так говорите.

— Не здесь. — Он посмотрел на её сапоги, на секатор, на солнце, немилосердно бьющее в глаза. — У вас есть где сесть и где не жариться заживо?

Дом ждал их прохладной террасой, увитой старым виноградом — не тем, что шёл на вино, а декоративным, с крупными резными листьями, дающими густую тень. Алина усадила Марка за деревянный стол, исцарапанный десятилетиями чужих локтей и стаканов, сама осталась стоять, скрестив руки на груди, потому что садиться напротив него означало бы признать, что разговор будет долгим и что она согласна его слушать.

— Итак. — Она не предложила ему ни воды, ни вина, хотя обычно предлагала даже случайным покупателям. — Что у «Северин Групп» на этот раз? Ещё одна оценка недвижимости? Новый график платежей, от которого мне станет ещё хуже?

— Я предлагаю вам выйти за меня замуж.

Он сказал это тем же тоном, каким пять минут назад говорил про сахар в ягодах. Ровным. Деловым. Как будто зачитывал пункт из договора аренды.

Алина рассмеялась — коротко, зло, без тени веселья.

— Простите?

— Вы слышали. — Марк достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист — она заметила, что он был напечатан заранее, аккуратными столбцами, будто он готовил это ещё до того, как выехал из города. — Я предлагаю формальный брак. Условия просты, и я хочу, чтобы вы их услышали до того, как начнёте кричать.

— Я не кричу.

— Пока нет. — Он развернул лист на столе, не глядя в него — видимо, знал текст наизусть. — Срок — один год. По истечении срока любая из сторон вправе инициировать развод без объяснений и без взаимных претензий, включая финансовые. В течение этого года каждый из нас продолжает жить своей жизнью — я в городе, вы здесь, минимум совместных появлений, только то, что требуется для соблюдения условий договора дедов и для убедительности перед нашими семьями. Земли «Вешних Лоз» переходят в совместное владение — официально, по документам, с вашим отцом как совладельцем наравне со мной, — что снимает угрозу изъятия за долг. По истечении года, если брак расторгается, земля остаётся за вашей семьёй в полном объёме. Я не претендую на неё после развода. Это прописано отдельным пунктом.

Алина смотрела на него, и внутри у неё поднималось что-то горячее и мутное, чему она не сразу нашла название. Не удивление — она ждала предложения, отец предупредил её ещё неделю назад, что рано или поздно Марк или его мать додумаются до этого пункта договора. Не страх — страх она уже пережила, когда узнала про сам договор дедов. Это была ярость. Чистая, беспримесная ярость от того, с какой лёгкостью он раскладывал её жизнь по пунктам, как раскладывал бы условия поглощения проблемного актива.

— Вы это распечатали, — сказала она медленно. — Заранее. До того, как приехали.

— Да.

— Вы не сомневались, что я соглашусь.

— Я не был уверен ни в чём. Но я предпочитаю приходить на переговоры подготовленным.

— Переговоры. — Она произнесла это слово так, будто оно было грязным. — Вы называете это переговорами. Вы приехали ко мне домой, застали меня в винограднике, где я третий день без выходных пытаюсь спасти урожай, которым, кстати, буду расплачиваться с вашей же компанией, — и разложили передо мной таблицу условий брака, как будто это план по реструктуризации кредита.

— По сути, это он и есть.

— Вот именно! — Она стукнула ладонью по столу, и лист с условиями подпрыгнул. — Вот именно, Марк. Для вас это сделка. Ещё одна строчка в вашем портфеле активов. Вы даже не притворяетесь, что это может быть чем-то другим.

Что-то в его лице дрогнуло — не от обиды, поняла она, а от чего-то более сложного, чему он и сам, кажется, не знал названия.

— А чем ещё это должно быть? — тихо спросил он. — Романтикой? Мы знакомы три недели, и половину этого времени провели, ненавидя друг друга через стол банковского кабинета.

— Я не прошу романтики. Я прошу честности. Скажите прямо: вам плевать на «Вешние Лозы», плевать на моего отца, плевать на то, что это значит для меня, — вам нужен красивый жест перед вашей матерью и юристами, чтобы получить контроль над землёй без скандала. Так скажите это прямо, вместо того чтобы прикрывать это словом «переговоры».

— Если бы мне нужен был контроль без скандала, — сказал он, и голос его вдруг стал жёстче, — я бы просто подождал ещё два месяца, пока ваш банк довёл бы дело до суда, и забрал бы землю без всякого брака, без договора дедов, без необходимости выслушивать ваши крики на веранде. Это было бы куда проще, Алина. Дешевле. Быстрее. Вместо этого я привёз вам документ, который не оставляет мне ничего после развода. Ничего. Ни акра. Подумайте, зачем мне это, прежде чем обвинять меня в расчётливости.

Она замолчала. Он был прав, и от этого стало только хуже — потому что если это была не жадность, то что тогда?

— Тогда зачем? — спросила она тише.

Марк отвёл взгляд — впервые за весь разговор — и посмотрел куда-то за её плечо, на ряды виноградника, спускающиеся к морю.

— Потому что мой дед подписал этот договор не просто так, — сказал он наконец. — И потому что я не хочу быть тем Севериным, который его нарушил ради собственной выгоды. — Он снова осёкся, будто сказал больше, чем собирался, и тут же выпрямился, вернул голосу прежнюю ровность. — Но в первую очередь потому, что это выгодно нам обоим. Вы получаете землю. Я получаю решение проблемы с матерью и советом директоров, которым нужно, чтобы я выглядел человеком, способным на долгосрочные обязательства, а не только на скупку чужих долгов. Это взаимовыгодная сделка, Алина. Ничего постыдного в этом слове нет.

— Для вас — нет. — Она отвернулась, обхватила себя руками, хотя день был жаркий. — А для меня оно означает, что я снова буду зависеть от богатого мужчины, который в любой момент решит, что сделка больше не выгодна.

— Это не то же самое, что...

— Не договаривайте. — Она резко обернулась. — Вы не знаете, что было с моей матерью. Она ушла, когда мне было десять, ушла к человеку, у которого было больше денег, чем у моего отца, — и я до сих пор помню, как отец сидел на этой самой террасе и молчал неделю. Молчал, потому что не знал, как объяснить дочерям, что мама предпочла деньги семье. Я поклялась себе, что никогда — никогда — не буду зависеть от мужчины, у которого больше власти надо мной, чем у меня самой над своей жизнью. А вы предлагаете мне подписать бумагу, по которой

вы в любой момент, через год, можете уйти, — и я снова останусь смотреть, как уходит человек, у которого было больше денег, чем у меня.

Марк молчал. На террасе стало тихо — только цикады звенели в винограднике, да где-то вдалеке дядя Гриша окликал работников.

— Я не собираюсь уходить через год, потому что мне надоест, — сказал он наконец, и голос его прозвучал глуше обычного. — Я собираюсь уйти через год, потому что мы так договоримся. Это разница.

— Откуда мне знать, что вы вообще способны на что-то, кроме договорённостей? — Она сказала это резче, чем хотела, и увидела, как у него на скулах заходили желваки.

— Не способен, — ответил он с холодом, который, как ей показалось, был направлен не на неё, а куда-то внутрь себя. — Вы правы. Я научился быть способным на что-то ещё. Шесть лет назад я открыл кому-то душу, а получил в ответ разорванную помолвку и статью в деловом издании о том, что наследник Северина недостаточно перспективен для брака. С тех пор я предпочитаю договорённости. Они, по крайней мере, честны в том, что не притворяются любовью.

Он произнёс это так быстро и так резко, что Алина поняла — он сказал больше, чем хотел, точно так же, как минуту назад проговорился про деда. Она хотела спросить, кто такая эта женщина, что случилось, но что-то в его лице — плотно сжатые губы, взгляд, снова спрятанный за холодную вежливость, — сказало ей, что дверь, приоткрывшуюся на мгновение, он уже захлопнул сам.

— Значит, мы оба знаем, чего боимся, — тихо сказала она.

— Значит, знаем. — Он снова сложил лист с условиями, но не убрал, оставил на столе, придавив краем ладони, будто боялся, что ветер унесёт его вместе со всем разговором. — Это не предложение любви, Алина. Я не буду вам врать, изображая, что оно им является. Это предложение выжить — вам сохранить землю отца, мне выполнить условие деда, не изображая при этом чувств, которых ни один из нас, кажется, больше не способен испытывать. По-моему, это честнее, чем половина браков в этом посёлке.

Она долго смотрела на него — на этого человека в безупречном костюме, посреди её обшарпанной террасы, с листом бумаги под ладонью и шрамом на костяшке, который выдавал его больше, чем любые слова. Часть её хотела прогнать его немедленно, крикнуть, что она скорее потеряет всё, чем подпишет себя, как актив, в чужую таблицу условий. Но другая часть — та, что каждое утро смотрела на отца, беспомощно сидящего в кресле у окна, та, что видела счета на кухонном столе, — знала, что у неё, вероятно, нет роскоши выбора, который она хотела бы иметь.

— Мне нужно время, — сказала она наконец, и слова дались ей тяжелее, чем она ожидала, потому что просить у него хоть что-то — даже время — казалось уступкой. — Я не пишу ничего сегодня. Мне нужно поговорить с отцом. Мне нужно... подумать.

— Разумно. — Марк поднялся, застегнул пиджак одним движением, аккуратным, отработанным. — У вас есть неделя. После этого банк начнёт процедуру, и я больше не смогу её остановить документом о совместном владении — придётся заходить через суд, а это долго и грязно для нас обоих.

— Как удобно, что у вашего великодушия есть срок годности.

Что-то похожее на призрак улыбки тронуло его губы — не весёлой, а усталой.

— У всего есть срок годности, Алина. Даже у ненависти. — Он оставил документ на столе, придавленный старой пепельницей, которой давно никто не пользовался. — Позвоните, когда решите. В любую сторону.

Он ушёл тем же ровным, неспешным шагом, каким пришёл, сел в машину, и она смотрела, как чёрный силуэт растворяется в пыли грунтошки, пока звук мотора не стих совсем.

Алина не пошла в дом. Она спустилась обратно в виноградник, туда, где бросила секатор в междурядье, и долго стояла между шпалерами, там, где ряды сходились в одну зелёную линию, убегающую к морю. Ветер шевелил листья, гроздья тяжело покачивались на лозах, которые её дед сажал ещё до её рождения, которые пережили две смены власти, засуху девятиного восьмого и insult отца, — и она думала о том, что вся её гордость, всё её отвращение к сделкам с богатыми мужчинами упирается в эти ряды, в этот дом, в это единственное, что ещё связывает её с отцом таким, каким он был до болезни.

Она ненавидела то, насколько разумным было его предложение. Ненавидела то, что за холодной таблицей условий на мгновение мелькнуло что-то живое — слово «дед», голос, дрогнувший при упоминании чужого предательства, — и что это живое пугало её едва ли не больше, чем его расчётливость. С расчётливым человеком она знала, как обращаться. С человеком, который прячет за расчётливостью что-то настоящее, — не знала вовсе.

Земля под ногами пахла нагретой пылью и виноградным соком, и где-то за верхним рядом дядя Гриша окликнул её по имени, спрашивая, всё ли в порядке, но она не ответила сразу — стояла, обхватив себя руками, между вражьими и своими лозами, и понимала со всей ясностью, какая бывает только в минуты, когда деваться больше некуда: другого выхода спасти дом отца у неё, вероятно, нет.

Глава 7

Согласие

* * *

Три дня Алина носила в себе слово «да», как носят зашитую в подкладку куртки монету — вроде бы и не тяжело, а всё равно чувствуешь её при каждом шаге.

Марк сказал тогда, за столом в конторе, ровно и без нажима: «Я не тороплю. Но и время сейчас работает не на вас». Она кивнула, забрала со стола свою чашку недопитого кофе и ушла, не попрощавшись толком — только дверью хлопнула чуть сильнее, чем нужно. С тех пор он не звонил. Это молчание было почти вежливостью с его стороны, и Алина злилась на себя за то, что замечает и ценит эту вежливость.

Работа на винограднике в конце августа не оставляла много места для раздумий — сбор урожая только начинался, лозы гнулись под тяжестью гроздей, и всё хозяйство, весь маленький мир «Вешних Лоз», требовал рук, глаз, спины. Но раздумья всё равно просачивались — в те минуты, когда она распрямлялась между рядами и смотрела на море вдалеке, серо-синее в раннем свете, и думала: если она скажет «да», это море, эти лозы, этот дом с потрескавшейся террасой останутся её. А если скажет «нет» — через полгода здесь будет табличка «Северин Групп», а потом, если верить слухам про Богдана, и вовсе бетон вместо виноградника.

Отец слушал её вечером на террасе, в своём кресле, укрытый пледом, хотя вечер был тёплый — просто так спокойнее сидеть, говорил он. Алина рассказывала не всё — про поцелуи колкостей за столом переговоров умолчала, — но суть передала честно: год фиктивного брака, каждый живёт своей жизнью, земля остаётся семье.

— Ты молчишь, — сказала она наконец, не выдержав. — Скажи хоть что-нибудь. Я готова, что ты будешь против.

Пётр Вешняков долго смотрел на виноградники, будто впервые их видел — или, наоборот, видел их так много раз, что теперь смотрел сквозь них, в прошлое.

— Я не буду против, Алинка, — сказал он тихо. — Я виноват перед тобой уже тем, что довёл до такого выбора. Ты не должна была вообще оказаться в этом положении. Я взял кредит, когда думал, что справлюсь, что здоровье позволит ещё лет десять пахать. А потом слёг — и всё, что я строил всю жизнь, оказалось на твоих плечах. Ты хочешь спросить моего благословения на брак без любви — а мне впору у тебя просить прощения за то, что я его вообще сделал возможным вариантом.

— Папа...

— Дай договору. — Он подвинулся в кресле, поморщился от слабости в правой стороне тела, но взгляд остался ясным, как всегда. — Я знал Аркадия Северина. Хорошо знал, лучше, чем кто-либо из живых сейчас. Мы дружили — по-настоящему, не на словах, — задолго до того, как стали конкурентами. И договор этот... когда я подписывал бумаги с ним тридцать лет назад, я не думал, что условие о браке когда-нибудь всплывёт всерьёз. Это было как бы... страховка нашей дружбы. Способ сказать друг другу: даже если мы разругаемся из-за бизнеса, земля не должна пострадать, если наши дети однажды решат её сохранить вместе. Я не знаю, каким стал внук Аркадия. Но если в нём осталась хоть капля того же — стоит рискнуть.

Алина слушала, чувствуя, как что-то внутри неё оседает, словно муть в вине после долгого покоя.

— А если это просто расчёт с его стороны? Если он такой же, как... — она не договорила, но отец понял.

— Как твоя мать? — Он произнёс это без горечи, просто как факт. — Может быть. А может — нет. Ты не узнаешь, пока не попробуешь. Я не говорю тебе выходить замуж по любви за незнакомца, доченька. Я говорю — сохрани дом. А там жизнь сама покажет, во что это выльется.

Она поцеловала отца в висок и ушла к себе, но заснуть смогла только под утро.

* * *

Соня влетела в её комнату на следующий день без стука, с мокрыми после душа волосами, в старой футболке брата, которого у них не было — футболка досталась от какого-то бывшего парня и с тех пор служила Соне пижамой.

— Ну? — она плюхнулась на кровать Алины, поджав ноги. — Ты решила?

— Соня, я работаю с шести утра. Дай хоть кофе допить.

— У тебя три дня было на кофе. — Соня выхватила у неё чашку и сделала глоток сама, скривилась — кофе остыл. — Алин. Серьёзно. Чего ты тянешь? Он богатый, красивый — не спорь, я видела фото в новостях, — и предлагает тебе спасти дом. Это вообще не вопрос.

— Это не сказка про принца, Соня. Это фиктивный брак с человеком, который меня презирает.

— Он тебя не презирает, — фыркнула сестра. — Презирал бы — не тратил время на переговоры, просто забрал бы землю через суд, как обычно и делают такие, как он. А он предложил тебе выход. Значит, ему тоже что-то от этого нужно, кроме земли. Может, ему просто нужен повод соскочить с материнского крючка. Не важно. Важно — что тебе это нужно позарез, а ты сидишь тут и придумываешь причины отказаться.

Алина отвернулась к окну, где виноградные ряды тянулись до самого горизонта, знакомые до последней лозы.

— Я боюсь, Сонь. Не дома лишиться боюсь — этого тоже, конечно, но... Я боюсь стать как мама. Выйти замуж не по любви, а потом обнаружить, что у меня нет своих денег, своего голоса, ничего своего — только то, что муж разрешил. Мама ведь тоже сначала думала, что контролирует ситуацию. А кончилось тем, что она сбежала, потому что чувствовала себя вещью в чужом доме.

Соня притихла — редкий момент серьёзности для неё.

— Но ты не мама, — сказала она наконец. — Ты винодел. У тебя есть дело, есть руки, есть голова. Ты не будешь сидеть и ждать, пока муж решит, что тебе можно. Ты и так всю жизнь всё сама тащишь — иногда слишком уж сама, если честно. — Она вздохнула. — Я просто хочу, чтобы у тебя было хоть что-то, кроме бесконечной работы и долгов, Алин. Хоть один шанс, что жизнь повернётся не только вкалыванием. Даже если это начнётся как сделка. Со сделок иногда начинается самое настоящее — я в сериалах видела.

Алина невольно рассмеялась, впервые за три дня.

— Твои сериалы — не самый надёжный источник жизненной мудрости.

— Зато самый честный, — парировала Соня и, помолчав, добавила уже мягче: — Соглашайся. Не ради него. Ради себя и ради папы. А там — видно будет.

* * *

Дядю Гришу она нашла в винном погребе, где он, как всегда в конце августа, проверял старые бочки — простукивал костяшками, слушал звук, что-то бормотал под нос. Запах в погребе стоял густой, прохладный: сырой камень, дуб, слабый шлейф прошлогоднего вина.

— А, Алинка. — Он выпрямился, потёр поясницу. — Пришла старика мучить вопросами или помогать?

— И то, и другое, дядя Гриша.

Он усмехнулся, вытер руки о фартук и сел на низкую скамью у стены, похлопал рядом с собой — приглашение, которое она помнила с детства, ещё с тех пор, когда пряталась здесь от материнских скандалов и слушала его истории про виноград и про то, как правильно ждать урожая.

— Слышал я про предложение Северина, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Посёлок маленький, слухи быстрые.

— И что думаешь?

Дядя Гриша долго молчал, разглядывая бочки, будто в их темноте были написаны ответы.

— Я ведь их обоих знал, — сказал он наконец. — И твоего деда, и Аркадия Северина. Мальчишкой ещё бегал у них на посылах, потом уже управляющим стал у твоего отца. Так вот что я тебе скажу, чего, может, никто уже и не помнит толком: Пётр твой и Аркадий не соперниками начинали. Они друзьями были — настоящими, такими, каких сейчас редко встретишь. По ночам сидели вот тут, в этом самом погребе, спорили до хрипоты о винограде, делились саженцами, один у другого учился. А потом бизнес их развёл — знаешь, как это бывает: сперва работаешь плечом к плечу, потом кто-то один вырывается вперёд, и дружба начинает трещать под тяжестью зависти да амбиций. Обидно было смотреть, как эти двое, что раньше водой не разольёшь, стали через забор друг на друга волком глядеть.

— А договор про брак? Ты знал о нём?

— Догадывался, — кивнул старик. — Аркадий как-то по пьяной лавочке обмолвился, что хочет оставить внукам «дверь назад» — так и сказал. Мол, если уж мы не смогли сберечь дружбу, пусть хоть земля у наших детей шанс имеет её не потерять. Он ведь любил эту землю не меньше твоего деда, Алинка, что бы там ни говорили о нём как о дельце. Вся эта его холодность в бизнесе — она сверху была, для чужих. А внутри — тот же виноградарь, что и Пётр.

Алина подтянула колени к груди, слушая — почти детский жест, но здесь, в погребе, рядом с дядей Гришей, это казалось уместным.

— Думаешь, внук такой же?

— А кто ж его знает, — пожал плечами старик. — Люди — не лоза, по ним заранее не угадаешь урожай. Но я тебе так скажу: земля стоит того, чтобы за неё побороться. Даже не по любви для начала — а там уж как пойдёт. Любовь, она такая штука — не всегда сразу видна, иногда сперва притворяешься, что её нет, а она уже рядом стоит и ждёт своего часа. — Он подмигнул ей, впервые за разговор перейдя на привычный шуточный тон. — Ты вон тоже сколько лет притворяешься, что тебе замуж неохота, а глаза-то у тебя, как про этого Северина заговоришь, знаешь какие делаются?

— Дядя Гриша!

— Ладно, ладно, молчу. — Он поднял руки, смеясь, потом посерьёзней снова. — Соглашайся, девочка моя. Не ради денег его и не назло судьбе. А ради вот этого всего. — Он обвёл рукой погреб, бочки, темноту, пахнущую годами труда. — Твой отец жизнь на это положил. Дед твой начинал с трёх кустов у моря. Не дай чужим рукам это выкорчевать.

Она обняла его — крепко, неловко, как в детстве, — и, кажется, оба сделали вид, что не заметили, как у неё на секунду задрожали плечи.

* * *

Вечером она достала телефон и долго смотрела на номер Марка, прежде чем нажать вызов. Гудки — один, второй, третий, — и в груди у неё натянулась какая-то струна, готовая либо лопнуть, либо наконец зазвучать верно.

— Северин, — раздалось в трубке. Голос ровный, деловой, будто он ждал звонка от кого угодно, только не от неё.

— Это Алина, — сказала она и тут же разозлилась на себя за то, что уточнила, будто он мог не узнать её номер.

Пауза на другом конце была короткой — но Алина, вслушиваясь, будто в тишине эфира что-то изменилось, стало чуть плотнее, внимательнее.

— Слушаю.

— Я согласна, — сказала она. Не стала растягивать, не стала объяснять, почему решила именно сейчас, вечером, стоя на террасе, с которой видно последние закатные полосы над морем. — На ваших условиях. Год. Каждый живёт своей жизнью.

— Хорошо. — Он ответил быстро, без паузы на раздумье, будто ждал именно этих слов и держал их наготове с самой их последней встречи. — Мои юристы подготовят документы к концу недели. Церемония в посёлке — так требует условие договора, публичный брак, не просто штамп в паспорте. Я пришлю детали.

— Хорошо, — эхом повторила она.

— Алина. — Он вдруг произнёс её имя, и что-то в его голосе на долю секунды дрогнуло, стало не таким отточенным, каким он держал его всю беседу. — Это правильное решение.

— Знаю, — сказала она, хотя не была уверена, что знает. — До связи, Северин.

Она отключилась первой — и почти сразу пожалела, что не успела расслышать, что он собирался сказать дальше. Но в те несколько секунд молчания перед тем, как он произнёс её имя, ей почудилось — может, просто почудилось, — что и для него этот звонок стал облегчением. Что где-то там, за его безупречно ровным тоном, тоже сидело напряжение трёх дней ожидания, которое он не позволил себе показать, но и не сумел до конца скрыть.

Алина стояла на террасе ещё долго после разговора, слушая, как трещат цикады в темнеющем винограднике, как где-то на кухне отец говорит что-то Соне и та смеётся в ответ. Дом. Земля. Отец. Всё, ради чего она сказала «да» — было здесь, вокруг неё, тёплое и настоящее.

Но было и другое — то, в чём она едва признавалась даже себе, стоя одна в сгущающихся сумерках. Мысль о Марке Северине — не о холдинге, не о договоре, не о деловом холоде в его голосе, а о нём самом: о резкой линии челюсти, о взгляде, который на секунду становился человеческим прежде, чем снова прятался за расчётливость, о руках, которые, она была уверена, умели быть не только жёсткими. Мысль о будущей близости с этим человеком — пусть даже формальной, пусть даже призванной быть просто частью убедительной декорации перед соседями и законом, — вызывала в ней не страх и не отвращение, которых она ждала от себя.

Она вызывала трепет. Лёгкий, тревожащий, совершенно некстати сладкий трепет — там, где, казалось бы, должна была быть только холодная деловая решимость.

Алина покачала головой, будто могла стряхнуть эту мысль, как стряхивают с плеча ночную бабочку, и пошла в дом, где горел свет и пахло отцовским любимым травяным чаем. Соглашение было заключено — на бумаге ещё не подписанное, но уже необратимое внутри неё. Дом останется домом. А что до всего остального — она решила не думать об этом раньше срока.

Хотя, засыпая в ту ночь, она поймала себя на том, что думает именно об этом.

Глава 8

Свадьба-формальность

* * *

Загс в Лозовом занимал половину бывшего дома культуры — беленые стены, четыре ряда откидных стульев, на окнах шторы цвета топлёного молока, которые никто не менял, кажется,

с восьмидесятых. Пахло половой мастикой и чуть-чуть шафраном — где-то за стеной готовили плов на чью-то поминальную годовщину, и этот запах, совершенно не праздничный, отчего-то показался Алине честнее любых роз.

Она стояла у входа в узком коридоре, теребя край короткого кремового платья — не белого, специально не белого, — и думала о том, что за всю жизнь не представляла себе такой свадьбы. Не то чтобы она вообще позволяла себе представлять свадьбу; после матери в доме Вешняковых это слово произносили редко и с осторожностью, как произносят имя болезни. Но если бы позволяла — точно не так. Не в комнате, где пахнет пловом с поминок, не в платье, купленном три дня назад в единственном приличном магазине райцентра, не с человеком, чьё имя ещё месяц назад вызывало у неё судорогу отвращения.

— Дыши, — сказала Соня, поправляя сестре выбившуюся прядь. На Соне было ярко-жёлтое платье, слишком радостное для повода, и именно поэтому Алина была ей благодарна: хоть кто-то в этой комнате выглядел так, будто идёт на праздник, а не на подписание контракта. — Ты как перед экзаменом стоишь.

— Это и есть экзамен.

— Тогда улыбнись, отличница. Комиссия уже здесь.

Комиссия — так Соня называла делегацию Северина, и, глядя в щель приоткрытой двери на ту сторону зала, Алина не могла с ней не согласиться. Там сидела одна женщина — высокая, прямая, в сером костюме, будто вырезанном из холодного металла, с лицом, на котором за версту читалось всё, что она думает об этом браке. Инга Северина не улыбалась. Рядом с ней, чуть позади, замер молодой человек с портфелем — юрист, судя по тому, как он держал папку двумя руками, точно боялся, что документы разбегутся.

Больше от стороны жениха не было никого. Ни друзей, ни родственников, ни даже сослуживцев — только мать, олицетворяющая холдинг, и юрист, олицетворяющий страховку холдинга. Алине стало почти жаль Марка — почти, потому что она тут же напомнила себе, что жалеть Северина — непозволительная роскошь, вроде шампанского, которое сегодня, впрочем, тоже не подадут.

Зато с её стороны зал не пустовал. Дядя Гриша явился в костюме, который не надевал, кажется, с девяностых — узковатом в плечах, зато при галстукке в мелкий ромбик, который он весь вечер будет поправлять с гордостью человека, впервые в жизни надевшего орден. Он уже сидел во втором ряду и что-то тихо, но явственно бубнил себе под нос — очевидно, репетировал тост, который никто не просил произносить.

А в первом ряду, у самого прохода, чтобы было куда вкатить коляску, сидел отец.

Пётр Вешняков надел белую рубашку — ту самую, в которой снимался на юбилей винодельни пятнадцать лет назад, Алина узнала её по вышитой монограмме на манжете. Правая сторона лица у него всё ещё немного слушалась хуже левой, и улыбка выходила кривой, но глаза — глаза были совершенно ясные, и в них стояло что-то, от чего у Алины сжалось горло: гордость, чистая, без примеси горечи, которую она ожидала увидеть чаще, чем видела на самом деле.

— Ну что, дочь, — сказал он, когда она подошла поцеловать его в щёку. Голос после инсульта звучал медленнее, тяжелее ворочал слова, но каждое слово по-прежнему было выбрано с крестьянской точностью. — Не самая свадьба, о которой я мечтал для тебя.

— Знаю, пап.

— Но лучшая из тех, что у нас есть. — Он накрыл её руку своей, тёплой и слабой. — Это тоже кое-чего стоит.

Она не успела ответить — из-за угла коридора появился Марк, и всё в комнате как будто чуть подобралось, выпрямилось, приготовилось.

*

Марк не любил ждать, но в то утро он приехал в Лозовое на сорок минут раньше положенного и всё это время просидел в машине на парковке загса, глядя, как редкие прохожие косятся на его чёрный внедорожник — здесь, в посёлке, такие машины считались либо угрозой, либо цирком. Он думал о том, что за последние шесть лет — с той самой зимы, когда Регина уехала в свадебном платье не к нему, а от него, в аэропорт, к другому имени и другому счёту в банке, — он ни разу не надевал костюм для чего-то, кроме сделки. Даже похороны деда прошли для него как деловая встреча: соболезнования, документы, наследство, снова документы.

Сегодняшний костюм тоже был для сделки. Он повторил это себе три раза, завязывая галстук в зеркале заднего вида, и всё равно, входя в тесный вестибюль дома культуры, почувствовал, как у него — совершенно не к месту — вспотели ладони.

Мать уже сидела в зале, прямая, как штык, всем своим видом излучая одобрение форме и презрение содержанию. Она подняла на него глаза и едва заметно кивнула — оценка выставлена, костюм сидит хорошо, поза достойная, годится для фотографий, которые, впрочем, никто делать не собирался. Юрист протянул ему папку для подписи — тонкую формальность внутри толстой формальности, свадьбу внутри свадьбы, — и Марк подписал, не читая: он читал этот текст уже семь раз за последний месяц и знал его лучше собственного паспорта.

А потом он увидел коляску в первом ряду и человека в ней, и что-то в нём — то, что он давно считал ампутированным вместе со способностью удивляться, — дрогнуло.

Он подошёл первым, ещё до того, как церемония вообще должна была начаться, присел на корточки рядом с креслом — так, чтобы оказаться на одном уровне глаз, а не нависать сверху, как нависают над стариками все, кто торопится, — и протянул руку.

— Пётр Ильич.

— Марк Аркадьевич. — Рукопожатие Петра было слабым, но твёрдым в намерении, и Марк ответил на него так же — не сжимая изо всех сил, не демонстрируя силу, которая была бы издевательством над этой слабой рукой, а просто удерживая её, как держат то, что боятся уронить. — Значит, дожили.

— Дожили.

— Дед твой не поверил бы. — Пётр усмехнулся кривым ртом. — Он был убеждён, что Северины и Вешняковы будут собачиться до второго пришествия.

— Дед много в чём ошибался, — сказал Марк тихо, и это была первая абсолютно искренняя фраза, которую он произнёс за всю неделю подготовки к этой свадьбе. — Но, кажется, в вас он не ошибался никогда. Он говорил о вас чаще, чем я думал.

Пётр посмотрел на него долгим, изучающим взглядом — таким, каким смотрят люди, привыкшие оценивать урожай по единственной виноградине, — и то, что он в этом взгляде нашёл, видимо, его устроило, потому что он молча похлопал Марка по руке и отвернулся к дочери, давая понять, что аудиенция окончена и одобрена.

Марк выпрямился и поймал взгляд Алины через весь зал. Она смотрела на него так, будто увидела что-то, чего не должна была видеть — не жениха на его же собственной свадьбе, а человека. Он тут же отвернулся, будто застигнутый врасплох, и подумал мельком, без всякой связи, о том, как Регина однажды на людях демонстративно взяла его под руку и прошептала на ухо что-то ласковое исключительно для аудитории — а он тогда позволял ей это разыгрывать, потому что верил, что это и есть любовь: спектакль, сыгранный убедительно. Сейчас, глядя, как неуклюже дядя Гриша пытается утихомирить не в меру растроганного соседа по ряду, а Соня в жёлтом платье украдкой снимает всё происходящее на телефон, Марк подумал, что здесь никто не играет спектакль. Здесь просто собрались люди, которым не всё равно. Мысль была неуютная, и он поспешил её захлопнуть, как захлопывают дверь от сквозняка.

*

Регистраторша — женщина в возрасте, с добрым, немного усталым лицом, явно повидавшая на своём веку и куда более странные пары, — начала церемонию без всякой торже-

ственности, будничным голосом зачитывая имена и даты, но когда дошла до слов про «добровольно и по взаимному согласию», в зале повисла та особая тишина, в которой слышно, как тикают часы над дверью.

Алина стояла рядом с Марком — ближе, чем когда-либо стояла к нему за весь этот безумный месяц переговоров, — и чувствовала жар его плеча в сантиметре от своего, чувствовала, как напряжены его руки, стиснутые вдоль тела. Она приготовилась услышать формальные слова, произнесённые формальным тоном — собственно, для этого они здесь и собрались, чтобы произнести формальные слова, — и была совершенно не готова к тому, что случилось дальше.

— Марк Аркадьевич Северин, согласны ли вы взять в жёны Алину Петровну Вешнякову?

— Да.

Одно слово. Но сказанное так, что у Алины по коже пробежал холодок, не имевший ничего общего с прохладой в зале. Ни тени иронии в голосе, ни привычной сухой усмешки, с которой Марк обычно комментировал условия их сделки, называя её то «проектом», то «партнёрством», — ничего, кроме прямого, ровного голоса человека, произносящего клятву так, будто она имеет вес.

Алина скосила на него глаза. Он смотрел прямо перед собой, на регистраторшу, челюсть чуть напряжена, и ей вдруг пришло в голову странное: а что, если для него это не просто бумага? Что, если человек, потративший шесть лет на то, чтобы разучиться кому-либо верить, при первой же возможности произнести слово «да» вслух — произносит его так, будто хочет наконец-то попробовать, каково это, снова говорить правду.

Она отогнала эту мысль так же поспешно, как Марк несколькими минутами ранее отогнал свою.

— Алина Петровна Вешнякова, согласны ли вы взять в мужа Марка Аркадьевича Северина?

— Да, — сказала она, и голос её тоже прозвучал твёрже, чем она рассчитывала.

*

Кольца были простыми — тонкое золото без камней, выбранное второпях в том же магазине, что и платье, — и когда Марк взял её руку, чтобы надеть кольцо на палец, у него на мгновение задрожали пальцы. Он списал это на духоту зала. Алина, надевая кольцо ему, тоже почувствовала, что рука не совсем слушается, и списала это на волнение перед посторонними людьми.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказала регистраторша с той же будничной теплотой, с какой объявила бы окончание собрания жильцов дома. — Можете поцеловать невесту.

В зале стало очень тихо. Дядя Гриша, кажется, перестал дышать в предвкушении. Соня подняла телефон повыше. Инга Северина сидела неподвижно, как изваяние, и только уголок её губ едва заметно дёрнулся — не от умиления, а от чего-то похожего на подсчёт.

Марк повернулся к Алине. Он собирался — так же, как собирался всю неделю, репетируя это в голове, — прикоснуться губами к её щеке, коротко, безопасно, ради приличия перед свидетелями. Но когда их взгляды встретились совсем близко, что-то пошло не по плану: то ли Алина чуть шевельнулась, то ли он сам, — и губы легли не на щеку, а на её губы, лёгкие, сухие, почти невесомые, длиной в один короткий удар сердца.

И этого одного удара хватило, чтобы обоих будто прошило коротким замыканием.

Алина отстранилась первой — резко, чуть быстрее, чем требовала вежливость, — и щёки у неё вспыхнули не от смущения перед гостями, а от чего-то куда более личного и куда более пугающего: тонкой, острой искры, пробежавшей по позвоночнику вслед за этим прикосновением, искры, у которой не было ни малейшего права там появляться. Марк тоже отступил на полшага, слишком резко для человека, только что поцеловавшего собственную жену, и на его лице на долю секунды промелькнуло что-то похожее на растерянность — эмоция, которую

Алина никогда прежде на этом лице не видела и которую он, судя по тому, как быстро оно снова застыло в привычную сдержанность, сам от себя не ожидал.

— Неловкость, — сказал он тихо, ни к кому конкретно не обращаясь, будто оправдываясь перед самим собой.

— Естественно, — согласилась Алина слишком поспешно. — Мы же... не привыкли.

Дядя Гриша разрядил обстановку единственным доступным ему способом — громко зааплодировал, за ним неуверенно захлопали остальные, и общая суeta — поздравления, объятия, чьи-то мокрые от слёз глаза — на время смыла и искру, и неловкость, спрятав их туда, куда оба поспешили спрятать вообще всё неудобное: на потом.

*

Скромный приём устроили тут же, во дворе дома культуры, под старой шелковицей — три сдвинутых стола, застеленных клеёнкой с яблоками, самодельный компот в трёхлитровых банках вперемешку с одной-единственной бутылкой шампанского, которую всё-таки привёз юрист, явно по распоряжению Инги, для приличия. Дядя Гриша немедленно взял на себя обязанности тамады, хотя его никто на эту должность не назначал.

— Горько! — заорал он так, что с шелковицы сорвалась стая воробьёв, и тут же сам засмутился. — Хотя постойте, вы уже это... отгоркли. Ну тогда — сладко! За сладкую жизнь!

— Дядя Гриша просто хочет ещё раз посмотреть, как вы целуетесь, — фыркнула Соня, разливая компот по стаканам с видом заправского сомелье. — Признайся уже.

— А что я, не человек? Я тридцать лет мечтал эту свадьбу увидеть, пусть и не такую, о какой мечтал. Дайте старику развлечься.

Даже Пётр, слушая эту перепалку, тихо смеялся — своим новым, неровным смехом, который иногда обрывался на середине, но не терял от этого искренности. Инга Северина за соседним столом сидела прямо, пила воду вместо компота и односложно отвечала на вежливые попытки Сони втянуть её в разговор, но и она, к некоторому удивлению Марка, не ушла раньше времени — что для неё, вероятно, было пределом гостеприимства.

Свадьба не по любви, думала Алина, обводя взглядом двор — покосившийся забор дома культуры, банки с компотом, галстук дяди Гриши, слёзы в отцовских глазах, — и удивлялась тому, что где-то под ложечкой у неё разливается совершенно неуместное, необъяснимое тепло. Как будто не любовь была здесь единственным, что делает свадьбу настоящей.

*

Вечерело быстро, по-южному, без долгих сумерек — солнце просто соскользнуло за виноградники, и небо сразу налилось густой синевой. Гости разъехались один за другим: юрист увёз Ингу первым же рейсом, пообещав документы «для окончательного оформления» на следующей неделе; дядя Гриша, слегка пьяный от компота и собственного счастья, долго тряс Марку руку, повторяя «ну вы уж это, берегите друг друга, чего уж там»; Соня укатила коляску отца к машине, оставив сестру и её теперь уже официального мужа одних у ворот «Вешних Лоз».

Машина Марка стояла у крыльца с одной дорожной сумкой в багажнике — весь его переезд «для вида», как и было условлено с самого начала: он должен был жить здесь, в имении, пока действует контракт, чтобы ни у кого — ни у нотариуса, ни у соседей, ни у ушедших журналистов местной районки — не осталось сомнений в подлинности брака.

Они стояли у порога дома, который построил ещё прадед Алины, — оба всё ещё в свадебной одежде, оба вымотанные долгим формальным днём, — и молчали. Из открытого окна кухни пахло лавандой и старым деревом, с виноградников тянуло вечерней прохладой и чем-то терпким, винным, что Алина не переставала любить ни одного дня своей жизни.

— Ну, — сказал Марк наконец, кивнув на сумку. — Добро пожаловать домой, муж.

— Смешно.

— Я не шутил.

Она посмотрела на него — на человека, которого месяц назад ненавидела всем существом, чьё имя произносила как ругательство, а сегодня, стоя рядом с ним у алтаря, вдруг обнаружила, что не может списать одно короткое прикосновение губ на простую неловкость, сколько бы раз ни повторяла это слово. Он смотрел на неё так же — прямо, без привычной насмешливой брони, будто и сам не понимал, куда деть то, что произошло сегодня в зале дома культуры.

— Твоя комната наверху, вторая дверь налево, — сказала она наконец, потому что кто-то должен был сказать хоть что-то практическое, иначе они бы так и простояли здесь всю ночь, глядя друг на друга поверх пропасти, которую сами же вырыли и сами же теперь не знали, как перейти. — Не жди, что я буду стелить тебе постель каждый вечер. Это не гостиница.

— Не ждал, — ответил Марк, и в уголках его губ мелькнуло что-то похожее на настоящую, невынужденную улыбку. — Но за компот с шелковицей — спасибо. Давно так вкусно не ел.

— Не подлизывайся. Впереди год.

— Год, — повторил он тихо, будто впервые взвешивая это слово по-настоящему, не как условие контракта, а как срок собственной жизни.

Она первой отвернулась и толкнула тяжёлую дверь дома — дверь, за которой начиналась вся её прежняя жизнь и, как выяснится очень скоро, куда более сложная новая. Марк подхватил сумку и шагнул следом, через порог, в дом чужой ему семьи, где теперь, по документам и по кольцу на пальце, был своим.

Ни один из них ещё не знал, сколько раз за следующие месяцы эта граница между чужим и своим будет размываться, стираться и снова прочерчиваться заново — острее, чем любая формальность, какую можно подписать в конторе дома культуры под запах шафранового плова. Но в ту ночь, когда за спиной у обоих закрылась старая дубовая дверь «Вешних Лоз», ни Алина, ни Марк ещё не позволяли себе думать так далеко вперёд. Достаточно было и того, что искра, вспыхнувшая у алтаря на долю секунды, не гасла — а тихо тлела где-то на границе привычной, годами выстроенной обороны обоих, ожидая своего часа.

Глава 9

Вынужденное соседство

* * *

Марк Северин приехал в «Вешние Лозы» в семь вечера, ровно как обещал, с одним чемоданом на колёсиках, кожаной сумкой для ноутбука и лицом человека, который явился на важные переговоры, а не переезжает жить к жене.

Алина стояла на крыльце, скрестив руки, и смотрела, как он выходит из машины — не той представительской, что привозила его в первые визиты, а обычного серого седана, будто он специально выбрал что-то неприметное для посёлка. Умно, подумала она. И всё равно на него смотрели: соседка через дорогу застыла с лейкой в руках, а мальчишки на великах при тормозили у забора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.